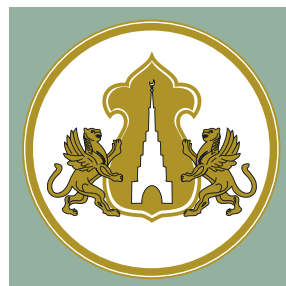

History and society

Тарих һәм жәмгыять

История и общество

DOI: 10.26907/2311-2042-2024-22-1-74-99

MUSLIM CHARITABLE SOCIETIES AND MUSLIM COMMITTEES AND BUREAUS (BASED ON THE KAZAN, UFA AND ORENBURG PROVINCES)

Dmitry Vitalievich Makarov,

Moscow Islamic Institute,
12 Kirov Proezd, Moscow, 109382, Russian Federation,
dawletshah@mail.ru.

Aydar Yurievich Khabutdinov,

Kazan branch of Russian State University of Justice,
7A 2nd Azinskaya Str., Kazan, 420088, Russian Federation,
aikhabutdinov@mail.ru.

The article is devoted to Muslim charitable societies and Muslim committees and bureaus as forms of self-organization and social movements of Russian Muslims in the early 20th century. As early as at the end of the 19th century first Muslim charitable societies were created as cultural, educational and social centers of communities with collegial management. Muslim committees and bureaus, formed after the February Revolution of 1917, were mainly socio-political organizations of Muslim Turkic-Tatars from the Orenburg District Mohammedan Spiritual Assembly (OMSA), they did not represent any political bodies of a specific orientation. In the spring and summer, sometimes in the early autumn of 1917, they united the activities of various Muslim organizations in the provincial city, and later often throughout the province, becoming direct predecessors of the provincial Milli Shuras (National Councils), which, from the very beginning, were the bodies of national-cultural autonomy. In this article, we analyze the continuity and interaction between these two structures, as well as their public activities.

Key words: Muslim charitable society, Muslim Committee, Muslim Bureau, Milli Shura, Milli Idare

Introduction

The creation and activities of Muslim charitable societies in the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries, as well as Muslim Committees and Bureaus in 1917 on the territory of mod-

ern Russia, are inextricably linked primarily with the phenomenon of urban civilization of the Tatars and Crimean Tatars represented by urban Muslim communities, which were often territorially tied to the Tatar Slobodas. From Arkhangelsk in the North

to Crimea and Astrakhan in the South, from St. Petersburg in the West to Tomsk in the East, we see this connection between urban communities, whose centers were primarily mosques, and Muslim charitable societies. After the February Revolution, the forms of the social movement changed fundamentally. As early as in March 1917, in cities, primarily in provincial centers, we see the creation of Muslim Committees and Bureaus, which built relationships with existing similar structures in district and volost centers with a large Muslim population.

As early as in April 1917, provincial Muslim congresses were held in a number of regions, creating the opportunity for unification within the entire region. On the eve of the Second All-Russian Muslim Congress in Kazan, in July 1917, delegates were elected at the provincial congresses and decisions were made on the formation of the Provincial Milli Shuros and their Executive Committees. After the 2nd All-Russian Muslim Congress (July 22–29, 1917), Provincial Milli Shuros were set up as regional bodies of national-cultural autonomy of the Inner Russia and Siberia Turkic-Tatar Muslims, which marked the end of the era of Muslim Committees and Bureaus as predominantly urban Muslim socio-political organizations in favor of general provincial bodies.

The issues of the activities conducted by Muslim charitable societies, as well as those of Muslim Committees and Bureaus, have not received their comprehensive analysis so far. The former topic was studied by the late Z. Minnullin for many years. Unfortunately, he left only a number of articles of a general nature, among which the article “The Emergence and Development of Muslim Charitable Organizations in Russia (the 19th – early 20th centuries)” is of a problem stating type [1].

The issues of Muslim charitable societies were partially touched upon in R. Salikhov’s candidate dissertation “Social Reform Activities of the Tatar Bourgeoisie in Kazan (second half of the 19th – early 20th centuries) (Kazan, 1997)” [2] and in the monograph “Participation of Tatar Entrepreneurship of Russia in the Socio-Political Processes in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries: Reforming the Institutions of the Local Muslim Community” (Kazan, 2004) [3], which expanded the topic and formed the basis of his doctoral dissertation. Here, Muslim charitable societies are analyzed using the examples of Kazan, Kasimov and St. Petersburg where the paragraph itself is called “the creation of specialized social security institutions for the Muslim population” [3, pp.

239–257], that is the one analyzing an important, but only one certain aspect of the societies’ activities.

In 1915, most of Muslim charitable societies in Russia were located in the Orenburg Province (12 out of 87) [4, pp. 29–31]. Of special importance for the analysis of Muslim charity in the Orenburg Region is the article “The Main Directions and Forms of Muslim Charitable Organizations’ Activities in the Orenburg Province (1898–1918)” by D. Denisov [5]. Since Troitsk was the second most important center of Muslim charitable societies in the Orenburg Province and there was also a Muslim charitable society in Chelyabinsk, these subjects are discussed in the monograph “Essays on the History of Muslim Communities of the Chelyabinsk Region (the 18th early 20th centuries)” by D. Denisov [6, pp. 112–119, 184]. The themes, relating to the city of Ufa, are partially discussed in the article “From the History of Muslim Charity in the Ufa Province” by G. Azamatov and D. Azamatova [7]. One of the authors of this article analyzed the role that charitable societies played in the Jadid reform in his monograph, published before the presentation of his doctoral dissertation [8, pp. 165–167]. He dedicated a chapter of his monograph to charitable societies, based on the analysis of the societies in the Kazan, St. Petersburg, Orenburg and Ufa Provinces [9, pp. 138–158].

The summary article “Charity” in the 1st volume of the Tatar Encyclopedia has only one paragraph devoted to Muslim charitable societies, and no publications on this issue are given in the list of references. The list speaks of approximately 100 Tatar charitable societies created by 1917 (the societies of Astrakhan, Kasimov, Kazan, Moscow, Orenburg, Perm, St. Petersburg, Troitsk are mentioned), the data on the societies are unsystematically placed throughout all six volumes of the Tatar Encyclopedia, mainly in connection with certain settlements. In the article of the first volume, only the Bekbulatov Society of Mutual Charity of the Kasimov Tatars in St. Petersburg and the “Society for Benefiting Poor Muslims of Kazan” are highlighted in italics [10, pp. 408–409]. The summary article “Charity” in the first volume of the Bashkir Encyclopedia [11, pp. 505–506] does not accentuate the existence of Muslim charitable societies. The “Guardianship for the Poor Muslims of Ufa” is mentioned here (but not the “Ufa Muslim Charitable Society”), it is given in italics, and a separate article is further devoted only to the “Ufa Muslim Ladies’ Society”. The forthcoming summative edition of the dictionary “Islam in the Rus-

sian Federation” (the authors are the executive editors of the series) contains articles of varying lengths about sixty seven Muslim charitable societies in the Volga-Ural Region, Central Russia, the North-West, Siberia, Crimea and the North Caucasus.

The topic of the Muslim Committees and Bureaus’ activities has hardly attracted the researchers’ attention. The Tatar Encyclopedia has only one article “[Kazan] Muslim Committee” on this topic. It contains sixteen lines and has neither an indicated author nor a list of references [12]. In the “Bashkir Encyclopedia”, twenty one lines are dedicated to the Ufa “Committee for the Dissemination of Citizenship Ideas among Muslims”. The author of the article is G. Mordvintsev [13], and the entire list of references is limited to “Mordvintsev G. V. March 1917 in Bashkiria (the chronicle of the events)” (Ufa, 1997). The abstract to this monograph honestly states: “The main sources for writing the chronicle of the events were the funds of the Bashkiria archives - the Central State Historical Archive and the Central State Archive of Public Organizations and Associations, as well as the materials from periodicals of 1917 in Russian. The latter circumstance made it difficult to access information about the development of the Bashkirs and Tatars’ national movement” [14, p. 3]. The only article found is “The Ufa Committee for the Dissemination of Citizenship Ideas among Muslims” by R. Bikbulatov [15], but it consists of only two pages, while the Ufa newspapers “The Tormysh” and partially “The Irek” of March – July 1917 contain numerous stories about the activities of the Committee and its contacts with the sociopolitical movement of neighboring provinces.

To analyze the activities of Muslim Committees and Bureaus, it is necessary to focus on the short-term period of their activities in the spring-summer and maximum part of the autumn of 1917, that is, we need to follow their constantly developing and ever changing plot in connection with other plots of the evolution of Russian society and the movements campaigned by other Muslim groups (military men, teachers, women, etc.). Another problem is the fact that practically the only source on this topic is the Tatar press of that period, as it will be discussed below. Accordingly, the cessation of the Orenburg newspaper “The Vaqyt” publication for most of the summer and part of the autumn of 1917 sharply narrows our possibility to obtain consistent and detailed information about the activities of the Orenburg Muslim Bureau. Therefore, our comprehensive information is con-

centrated primarily on Kazan, Ufa and partly Orenburg with their stable newspapers, which had permanent columns devoted to Muslim Committees and Bureaus of the corresponding provincial centers. In the dictionary “Islam in the Russian Federation,” we devoted a number of regional articles to specific Muslim charitable societies, as well as Muslim Committees and Bureaus of Kazan, Ufa and Orenburg. In 2009, an article by D. Denisov, dedicated to the Orenburg Muslim Bureau, was published in the volume “Islam in the Urals” [16, pp. 278–279]; in 2017, one of the authors of this paper analyzed the activities of the Kazan Muslim Committee in the volume “Islam in Tatarstan” [17, p. 117]; in 2023, in the volume “Islam in Bashkortostan”, an article was dedicated to the “Ufa Committee for the Dissemination of Citizenship Ideas among Muslims” [18, pp. 148–149]. However, they describe the activities of individual committees and bureaus, not the phenomenon as a whole.

Methods and sources

Our analysis of Muslim charitable societies is mainly based on their Charters and Reports. A unique collection of these printed publications was collected, primarily by Z. Minnullin, in the Department of Manuscripts and Rare Books of the Lobachevsky Scientific Library, Kazan Federal University. The topic of the Muslim charitable societies’ activities was the most important topic for the Tatar press of that period; in the section “*жәмгыятье khayria*” (charitable society), information about their meetings and accounts of their work were regularly published on the pages of the newspapers. The most adequate idea of the activities, conducted by the “Society for Benefiting Poor Muslims of Kazan” in 1906–1917, can be found on the pages of the Kazan newspaper “The Yoldyz” (“Yulduz”); from the year of 1913, “The Qoyash” could be added to it. In 1906–1917, the Orenburg newspaper “The Vaqyt” also regularly published information about the activities of the Muslim Society of Orenburg and the Orenburg Muslim Women’s Society. The situation was worse in Ufa, where the newspaper “The Tormysh” was regularly published only from October 1913. Among the Russian Muslims’ main centers engaged in social activities, Troitsk had no Muslim newspaper; the newspapers “The Il” / “The Suz” / “The Bezen Il” were published intermittently from November 1914 and regularly from the end of March 1917, which does not provide stable information for conducting the analysis of the “Moscow Muslim Charitable Society” activities (1906–1917); the news-

papers, published in St. Petersburg in 1906–1917, concentrated on all-empire/all-Russian topics and foreign policy and did not have a special section highlighting the activities of the Muslim Charitable Society in St. Petersburg (1898–1917). Therefore, when analyzing Muslim charitable societies, we will focus primarily on Kazan and Orenburg, partly Ufa, where accounts of their work are substantiated by press materials.

Regarding Muslim Committees and Bureaus, the most important and often the only source is the press. For Kazan, these are the newspapers “The Yoldyz”, “The Koyash”, “The Avaz”, “The Qurultai”, for Ufa – “The Tormysh” and partly “The Irek”, for Orenburg – “The Vaqyt” and partly “The Tormysh”.

The article is based on the use of the comparative historical and problem-chronological methods, the method of synchronous analysis, periodization, classification, etc.

Discussion

Muslim charitable societies, as a system of national and cultural organizations, were formed in various cities of the Russian Empire in the 1890–1910s. In the Volga-Ural Region, the first Trust for Poor Tatars was opened in 1897 in Astrakhan, in Central Russia it was the Kasimov Muslim Charitable Society and in the same year, the Crimean Charitable Society for Benefiting Poor Muslims “Jemiet Khairie” was created in Simferopol. In 1898, the Muslim Charitable Society in St. Petersburg, the Kazan Society for Benefiting Poor Muslims, the Ufa Trusteeship for Poor Muslims (from 1915, the Ufa Muslim Charitable Society) and the Troitsk Muslim Charitable Society were founded. Muslim charitable societies of the North Caucasus systematically emerged during the revolution of 1905–1907. The charter of the first of them - the Society for the Education of Muslim Natives of the Dagestan Region (a Muslim charitable and cultural-educational organization) in the city of Temir-Khan-Shura (now it is the city of Buinaksk in the Republic of Dagestan) was approved only on October 10, 1905, although attempts in that direction had been made since 1901 [19, pp. 292–293].

During the revolution of 1905–1907 and in the next decade, numerous societies of this kind came into existence. If in 1903 there were only eight Muslim charitable societies in Russia (in Kazan, St. Petersburg, Troitsk, Simferopol, Yalta, Kasimov, Astrakhan and Semipalatinsk), in 1915 there were already eighty-seven of them [4, pp. 29–31].

The revolutionary aspect in the activities of these societies was their transition from the specific mutawalli trustees’ activities (at best, mutawalliat – boards of trustees), limited by the framework of specific mahallas (parishes), to citywide structures. At the same time, in the Russian Empire, after years of effort, only the board of trustees of A. Khusainov’s waqf was recognized, while the imam and mudarris of the Rasuliya madrasah in Troitsk, the most prominent sheikh of the Naqshbandiyya tariqa Zainulla Rasuli, was refused permission to create a mutawalliate by the fellow (deputy) minister of the Ministry of Internal Affairs. The refusal was made on the grounds that he had donated the real estate in the parish of the Fifth Mosque. To the submission of the Orenburg Muslim Spiritual Assembly (OMSA) dated March 6, 1912: “On permission to accept from Rasulev three courtyard places donated by him with buildings in favor of the said mosque, the Deputy Minister of Internal Affairs, the Comrade Minister, let the Assembly know on May 6 of that year in Order No. 4118 that the existence of parish trustees at mosques was not provided for by the current laws on the management of spiritual affairs of Mohammedans, therefore he did not recognize it possible to allow the acceptance of Rasulev’s donation on the conditions specified by him”. Based on this decision, on November 1, 1912 the OMSA responded that the management of the waqf should be carried out by a separate mutawalli, “i.e. be authorized by the parish; the establishment of parish guardianship was not provided for by law” [20, pp. 218–219]. This closed off the possibility of transition from the medieval individual to the collegial structure of the New Age, since in the Muslim tradition it was the waqf property that created opportunities for stable financial support for the needs of education and the entire social sphere.

Under these conditions, only Muslim charitable societies could be structures that stably financed the needs of the Muslim community of their city, regardless of the desires or measured life paths of its individuals. However, the mutawallis’ experience helped them out, so the leaders of Muslim charitable societies in stable urban communities often came from representatives of the most prosperous families who had experience in controlling the mahalla, its madrassas and waqfs. It is represented by the example of the societies in Kazan and Troitsk. Of the two decades of the Kazan society activities, it was headed by two representatives of the Apanaev family: imam Gabdulla Abdulakarimovich Apanaev (1902–1907) and his

brother Mukhammabadretin Abdulakarimovich Apanaev (1910–1917). The former was the closest associate of Galimdzhan Barudi, the imam of the “Sennaya Mosque”; in 1906 he headed the educational commission of the Third All-Russian Muslim Congress where he was elected a member of the Central Committee of the Ittifaq al-Muslimin Party. In 1908, he was exiled, along with the Barudi brothers and the merchant A. Kazakov, as leaders of the Kazan bureau “Ittifaq al-Muslimin” [9, p. 140]. It is noteworthy that on March 12, 1917, he became deputy chairman of the Kazan Muslim Committee, and in November 1917, he was the mukhtasib of the Kazan Province [21, p. 29]. All the years, the Troitsk Muslim Charitable Society was headed by representatives of the Yaushev family in the person of Abduvali and Mullagali brothers who had experience of guardianship in the mosques of the second and sixth parishes in Troitsk; however, unlike the mutawallis’ sole power, the power of the chairmen of the societies was limited by members of the board and was subject to much stricter public reporting rules.

Charitable Societies and Muslim Committees as Channels of Mobility

Looking at features, characterizing the Orenburg Muslim Society, we see that besides collegiality, its membership consisted not only of businessmen. D. Denisov points out that along with them, there were clerks, office workers, imams, representatives of national intellectuals, including teachers and journalists. The society had 129 members in 1907, 296 members in 1908, 306 members in 1909, 323 members in 1910, 267 members in 1911, 269 members in 1912 and 320 members in 1913 [5, pp. 66–69]. In October 1906, the Society opened a free Muslim library in Orenburg (now the Kh. Yamashev Library), financed the creation and operation of three Muslim primary schools in the poorest districts on the outskirts of the city and two three-year educational and auxiliary workshops for teaching poor Muslim children (one specialized only in carpentry, the other had a subsidiary subject of basket making with compulsory teaching of the Russian language) [5, p. 66–69].

The preparation of the future Tatar elite in the region was carried out by the Orenburg Society for the Care of Muslim Students whose Charter was registered on May 11, 1912. The board included Muhammad-Zakir Ramiev (Derdmend, the chairman), mugallim Sungatulla Bikbulatov (a deputy chairman), millionaire entrepreneur Abdulhamid

Khusainov (a treasurer), one of the founders of the Tatar professional theater Mukhtar Mutin (a secretary), the future politician and deputy of the Constituent Assembly Shakir Muhammedyarov (a secretary), mugallim Nurgali Nadiyev (a secretary), Muhammad-Fatih Karimi, Kh. V. Rameev, mugallim and later the clerk Haris Fayzi-Chistapuli, the son of Riza-qadi, a future politician and editor-in-chief of the newspaper “The Bulletin of the Bashkir Government” (“Bashkortostan khokumatnenen tele”), mugallim Gabdurrahman Fakhretdinov, entrepreneur Khusain Khusainov, journalist Burkhan Sharaf, and among the members there was the future mufti of Central Spiritual Administration of Muslims of Russia Riza Fakhretdin (1923–1936), the chairman of Milli Idare in 1917–1918 Sadri Maksudi and the current chairman of Milli Idare in 1919 Salim-Girey Jantuyurin. The society issued gratuitous benefits or interest-free loans to Muslims entering or already doing various courses in primary, secondary and higher educational institutions in Russia. Among the people who received such financial aid were future deputies of the Constituent Assembly Shakir Muhammedyarov, Muhammad-Najib Khalfin and others. In the fall of 1913, the Society opened a preparatory school in Orenburg for Muslim children who wanted to enter gymnasiums and vocational schools [22, p. 280]. Significant support for those seeking to obtain higher and secondary religious and secular education in Russia and abroad (before the outbreak of World War I) was provided by the Orenburg Board of Trustees of the A. Khusainov’s waqf (1907–1917) [23, p. 291].

“The Guardianship of the Poor Muslims of Ufa” (1898–1915) had a legal right to render assistance in mastering crafts and in obtaining education in the madrasah of Ufa. In 1913, it opened a carpentry workshop at the Usmania madrasah in Ufa where twenty people were trained in 1913, and 455 rubles were spent for this purpose. According to the report of the Board of Trustees of 1913, 2,704 rubles were allocated to help the poor and students. At the same time, we mentioned the targeted support for the “poorest” shakirds in the amount of thirty seven people in Ufa madrassas; in total, 1,375 rubles were allocated to the shakirds of madrassas at 1-4 Cathedral Mosques of Ufa over the year. [24, pp. 3, 5, 8, 24]. Social support and preparation for life also concerned Muslim girls in Ufa. Thus, the Ufa Muslim Ladies’ Society maintained an asylum where the girls learned literacy, clothes and shoe making and other handicrafts (527 rubles in 1914). In 1914, 1,652 rubles were

allocated to seven educational institutions with 517 schoolgirls, primarily spent on the teachers' salaries [25, p. 7].

The "Society for Benefiting Poor Muslims of Kazan" has officially reserved the right to finance educational activities among Muslims. The funds were mainly used to pay for the education of poor shakirds in secondary and higher religious institutions of Russia, as well as to create Russian-Tatar primary schools subordinate to the "Society...". "From November 1, 1909, a Russian-Tatar men's school <...> and a Russian-Tatar women's school functioned at a Muslim asylum" [2, pp. 39–40]. Traditionally, in the 1910s, the main items of the "Society for Benefiting Poor Muslims of Kazan" expenditure (1898–1917) included an almshouse, a maternity hospital and an orphanage-school. But in the report of 1915, we also see donations to the Mushtarieva girls' school (2,788 rubles), as well as to the Muslim hospital in Kazan (1,482 rubles) and those in favor of Muslim victims of military operations in the Kars Region (3,013 rubles), that is, in favor of the people who suffered during World War I [26, pp. 53–63]. It should be said that during the years of this war, almost all Muslim charitable societies actively helped the wounded, although not only Muslims were treated in Muslim hospitals.

Thus, at the beginning of the 20th century, the activities of the Muslim charitable societies were not limited to social security. They helped with money, clothing, food and stationery to the children of both sexes from their poor families while they were studying in primary school (for orphans - in a school at an orphanage); then capable children had the opportunity to receive secondary and even higher education, while the rest learned a craft. It is important that in the 1910s, there was a tendency to educate girls as future teachers.

If we analyze the activities of the Muslim Committees in 1917, we will immediately see the desire, exemplified by the cities of Kazan and Orenburg (see below), to ensure from-bottom-to-top mobility for the lower strata of society: workers, soldiers, clerks, artisans and women. On March 12, 1917, the leadership of the Kazan Muslim Committee (KMC) was formed: its chairman was Fuad Tuktarov, the deputy chairmen - Gabdulla Apanay and Validkhan Tanachev, secretaries - Amin Mustafin and Sultan-Akhmet Gabyashi, members: Amina Mukhetdinova (representing female teachers), Ilyas Alkin (representing military), Valiulla Ibragimov (representing bourgeoisie), Sait Vakhidov (representing military) and

Rakhimdzhani Daminov (representing the Society of Teachers), Kashshaf Tarjemani and Akhmetzhan Mustafa (representing the clergy) [27]. We can prove that this identification of the KMC professional groups was not accidental using two more examples. At a meeting on April 23, the KMC formed two lists. The first of them was for the members of the City Duma (real elections would be held in October and, along with the KMC list, the MSC list from its partners would also participate). On April 23, the KMC recommended a list that included four of its representatives (S.-G. Alkin, F. Tuktarov, M.-N. Khalfin, G. Rafikov), it was also planned to elect three representatives of Muslim workers, one each from teachers, women, clerks and artisans [28]. It is worth noting that the KMC supported passive suffrage for women, and in October 1917, Kh. Tanacheva was elected member of the City Duma according to the KMC list [29]. At a meeting on April 23, the KMC formed a list of delegates to the First All-Russian Muslim Congress. To represent the KMC itself, only F. Tuktarov and I. Khanzafarov were recommended; in addition, six delegates represented the military, four represented workers, one each represented ulema, mugallim, mugallims, women, merchants, teachers and clerks, that is, from the representatives of very specific Kazan societies of ulema, mugallim, mugallims, women, teachers and workers. The military formed Kharbi Shuro, and a meeting of Muslim soldiers was scheduled for April 27–30, 1917, in Moscow on the eve of the congress [28].

The political mobilization of the population both for the religious reform (see the next section) and for the creation of national structures proper, as well as its mobilization for the coming elections, primarily to the All-Russian Constituent Assembly, became an issue of great importance for the Muscoms' activities. Imams remained the main channel for agitation among the rural population. Let us look at this political and educational activity based on the example of the Muscoms in Kazan and Ufa. On March 19, 1917, the KMC formed the following commissions: financial, legal, information and newspaper ones [30]. At the end of March, courses were organized for imam-khatibs, which were opened with a lecture by Kashaf Tarjemani, the imam and mudarris of the Eleventh Cathedral Mosque of Kazan. The lecture was devoted to the history of the OMSA and the All-Russian Muslim Congresses of 1905–1906 and 1914. The KMC began canvassing in the districts "to familiarize the population with the current situ-

ation" [31]. By April 16, KMC branches operated in the cities of Arsk, Mamadysh, Sviyazhsk, Chistopol, the village of Satyshevo and the Mamadysh District of the Kazan Province; there were also close contacts with the Muslims of the Urzhum and Malmyzh Districts of the Vyatka Province [32]. In the second half of March 1917, the Ufa Committee began sending lecturers to the districts of the Ufa Province (Mubaraksha Hanafi, Galiaskar Gafurov, Kashafulla Shamsutdinov), imams were considered to be the main assistants in the organization procedures [33].

Managerial and organizational activities

Orenburg was the most vivid example of continuity in the leadership of the Muslim Charitable Society and the Muslim Bureau. Thus, in 1906–1907, the first chairman of the Orenburg Muslim Society was Muhammad-Fatih Karimi, the political leader of the Orenburg Muslims and the editor of the newspaper "The Vakyt" in 1906–1917. However, after the defeat of the revolution of 1905–1907, he lost this post and the society was headed by the son of Gani-bai Khusainov - Abdulhamid Khusainov (1913–1917) whose term of office was the longest [9, p. 144]. However, immediately after the February Revolution, on March 5, 1917, the first meeting of Muslims was held in Orenburg where the Standing Orenburg Muslim Bureau was created under the chairmanship of Fatih Karimi [34] who had been its permanent leader until he became the head of the Orenburg provincial Milli Shuro, elected at the First Congress of Muslims of the Orenburg Province (September 27 – October 5), 1917 [35, p. 14]. The Orenburg Muslim Bureau was housed in the building of the Orenburg Muslim Society and the Muslim Library [36]. In Ufa, we see that radical changes took place in 1915 when Salim-Girey Jantyurin, a liberal zemstvo figure, nobleman and a deputy of the First State Duma, was replaced by the millionaire merchant Muhammad-Najip Khakimov whose father created the infrastructure at the mahalla level of the Fourth Cathedral Mosque in Ufa and the Mosque Khakimiya madrasah [37, pp. 161–162]. Soon the "Ufa Trusteeship for Poor Muslims" changed its name to the "Ufa Muslim Charitable Society", and its board included the Social Democrat Menshevik Gumer Teregulov who headed the department of foreign education at the Ufa provincial zemstvo government in 1911, and in March 9, 1917, he became the chairman of the board of the Committee for the Dissemination of Citizenship Ideas among Muslims; in July 1917, he was elected a member

and then the chairman of the Executive Committee of the Ufa Provincial Milli Shura (Muslim National Council) [38, pp. 141–142]. Another member of the board of the society was Idayatulla Enikeev who, on March 9, 1917, would join the leadership of the Ufa Committee for the Dissemination of Citizenship Ideas among Muslims [39].

The meetings of the Committee for the Dissemination of Citizenship Ideas among Muslims took place in the building of the Ufa Muslim Charitable Society, they were regularly covered in "The Tormysh" reports of the meetings (see, for example: [40]). Later, the Ufa Provincial Milli Shura (the Muslim National Council) was also housed in the building of the charitable society.

On March 6, 1917, nine people were elected to the Orenburg Muslim Bureau. Along with Fatih Karimi, we see Burkhan Sharaf and Mukhtar Mutin, members of the board of the Orenburg Society for the Care of Muslim Students, Kalimulla Khasanov, a former deputy of the Second State Duma, Ibragim Bikchentaev, the head of the Department of Non-Russian Education of the Orenburg Provincial Zemstvo Government, Akhmed Baitursunov, a prominent Kazakh politician, later one of the leaders of Alash Hordes, A. Timerbulatov and A. Niyazbaev [40]. A few days later, at professional meetings, representatives of imams, teachers, countermen, clerks and workers were elected to the Bureau. For example, on March 10, 1917, there was a meeting of imams and muezzins of Orenburg chaired by Zahidulla Kashaev, the mullah of the Fifth Cathedral Mosque. The imam of the Menovna mosque, Iskhak Adilgareev, and the imam of the Third Cathedral Mosque, Abdulgaziz Abdulkarimov, were delegated to the Bureau [41].

On April 8–10, 1917, the Orenburg Muslim Bureau organized a unique meeting of the Muscoms and bureaus' representatives of both European and Asian Russia, its many decision points were enshrined in the resolutions of the First All-Russian Muslim Congress (Moscow, May 1–11, 1917). The meeting, chaired by Muhammad-Fatih Karimi, the leader of the Orenburg Muslim Bureau, was attended by representatives of the Kazan Muslim Committee (Validkhan Tanachev and Najib Khalfin), the Ufa Committee for the Dissemination of Citizenship Ideas among Muslims of Ufa (Vagiz Navruzov and Gabdurrahman Fakhretudinov), Tashkent (Gabdelsami kary Zyyabaev and Sadyk Gabdussatarov) and representatives of the Kazakh congress (Miryakub (Mirjakip) Dulatov and Khusain Turajanov), the

Muslim Bureau of Samara (Gabdurrahman Minyushev), Akmolinsk (Gabdurrahman Murtazin), Kargaly (Muhammadi hazrat Mustaev) and Kazalinsk (Gabdulla Davletshin). After the reports, made by the representatives of the regions, the second block of items, considered at the meeting, concerned the issues scheduled for the First All-Russian Muslim Congress, including the issues of national and cultural self-government, the elections to the Constituent Assembly; the issue of the outskirts; the assistance rendered to war victims; women's question; labor and land issues; the organization of the All-Russian Muslim Congress. In relation to the organization of the bodies of power, the issues on the attitude towards the Councils and local self-government bodies were considered, as well as the needs of local self-governments and their relationship with the Provisional Government; another item was the participation in the Turkestan Muslim Congress. It was proposed to transfer the land issue to the All-Russian Constituent Assembly for it to make a decision. The Russian Federal People's Republic was supported as a form of a governing body. As for the religious question, freedom and equality of all religions were proclaimed; religious affairs were separated from state affairs; religious mektebs and madrassas were made subordinate to the Spiritual Assembly (Mahkama-i-Shargiya) of Muslims of Inner Russia. The representatives of the Muscoms of Kazan, Ufa and Orenburg agreed on mutual cooperation [42]. Compared to other decisions, the most radical one was the support of territorial federation, since before the Moscow Congress the question had been raised about a unitary republic with broad local self-government and religious autonomy.

The first key task that the emerging Ufa Committee for the Dissemination of Citizenship Ideas among Muslims set for itself was its control over the OMSA. However, the Committee did not have either its leadership or name, so far. On March 5, 1917, the first rally of Muslims was organized in Ufa with a demand to remove the mufti of the OMSA Muhammad-Safa Bayazitov from office and arrest him and the kazy Ginyatulla Kapkaev, to grant freedom to Muslims in their religious and national-cultural affairs and to delegate Muslim representatives to public organizations. As a result of this meeting, a working group was created under the leadership of G. Teregulov and Z. Kadyri, the editor of "The Tormysh" newspaper. On March 6, 1917, these two people began the formation of the Committee (the original name was "a bureau"), which immediately put forward the slogan of

spreading political consciousness among the people and the resignation of M.-S. Bayazitov and G. Kapkaev [43].

On March 7, 1917, the Presidium of the Ufa Provincial Committee of Public Organizations appointed three commissioners to oversee the activities of the OMSA: A. Akhtyamov, K.-M. Alkin, G. Teregulov, all three were secular figures. The legitimacy of Abusugud Akhtyamov was determined primarily by his role during the revolution of 1905–1907, as a member of the Central Committee of the Ittifak al-Muslimin Party and a deputy of the First State Duma from the Ufa Province in 1906. Previously, in 1895–1899, as a qualified lawyer who graduated from the Faculty of Law of the Kazan Imperial University, he served as secretary of the OMSA [44, pp. 14–15]. Kutlug-Mukhammed Alkin came from a Tatar family of large landowners and hereditary nobles, he was elected a member of the Belebeevsky District Zemstvo Assembly over the period of 1894–1911 and a member of the Ufa City Duma in 1912–17. As a philanthropist, in 1906 he was one of the initiators of the opening of the Galiya Madrasah and remained a member of the Board of Trustees of the Galiya Madrasah until 1915, he was also a member of the Board (a treasurer) of the Ufa Society for Assistance to Students in Higher Educational Institutions [45, p. 11].

The issue of OMSA was considered at a meeting of the Bureau on March 7, which initially gave the name to the Committee itself. The second part of the meeting was devoted to the issue of the OMSA, when the appointment of the above three commissioners was announced and the removal of M.-S. Bayazitov and G. Kapkaev was approved, which led to the reliance in the OMSA on the other two qadis: S. Urmanov and N.-M. Mamliiev who expressed their loyalty to the Provisional Government. Salikhdzhan Urmanov addressed the clergy of the Assembly with an appeal to support the new government and informed them about the resignation of Bayazitov and Kapkaev, the information which at that time remained unpublished. Gabdurrahman Fakhretudinov, representing the military clergy, announced the need to remove G. Kapkaev who, unlike M.-S. Bayazitov, was in Ufa at that time. It was decided that from the next day the commissioners would take control of the OMSA, ensure the resignation of M.-S. Bayazitov and G. Kapkaev and undertake measures for the speedy election of new kazys [46].

On March 9–10, a meeting was held on the issue of the OMSA managing board of sixteen people consisting of two qadis, imams of the five Ca-

thedral Mosques in Ufa, three commissars - Zakir Kadyri, the head teacher of the Usmaniya madrasah Gabdulla Sh(o)nasi, Usman and Akhmed-Sultan Teregulovs and Gabdurrahman Fakhretdinov. The main item was the need for by-elections of at least one kazy to ensure a quorum, since out of four kazy members only two remained. Gabdurrahman Fakhretdinov announced that his father Riza-qadi Fakhretdin could not return to this post at OMSA [47]. Thus, the issue could not be resolved until the end of March, when Khujat al-Hakim Makhmudov, the imam of the city of Turgai, the Turgai Region, was elected to be qadi. He was approved by the Ufa Provincial Government, which resolved the issue of a quorum in the OMSA [48]. In this case, the most important thing was the collegial nature of this meeting, as it was attended by representatives of three groups of the Muslim elite from the city of Ufa: the older generation of zemstvo, urban and all-Russian revolutionaries of 1905–1907; OMSA qadis loyal to the new government and imams of the five Cathedral Mosques of Ufa; as well as the leaders of the emerging Ufa Committee for the Dissemination of Citizenship Ideas among Muslims, which was created in parallel with the OMSA meeting on March 9, 1917 by a group of Muslim intellectuals in Ufa. Its members were: Gumer Teregulov (the chairman), Zakir Kadyri, Galimdzhan Ibragimov (the deputy chairman), Gamde (Gumda) Khabirov (a secretary), Vagiz Navruzov, Sagit Ramiev, Ismagil Subaev, Idiatulla Enikeev, Khabibulla Akhtyamov, Akhmet-Sultan Teregulov, Zakir Shakirov, Gabdulla Sh(o)nasi, Iskhak Kasmasov and Salih Khabirov. With the exception of Khabibulla Akhtyamov, the imam of the opening Sixth Cathedral Mosque in Ufa, we see only the secular intelligentsia in the person of two head teachers of Jadid madrassas (Galimdzhan Ibragimov and Gabdulla Sh(o)nasi), Zakir Shakirov, the inspector of non-Russian schools from the Department of Public Education of the Ufa Provincial Zemstvo Government, employees of “The Tormysh” (Zakir Kadyri and Gumda Khabirov), Akhmet-Sultan Teregulov, an official on special assignments under the Ufa Governor and Sagit Ramiev, a classic of Tatar poetry [49].

On March 17, 1917, “The Tormysh” newspaper published information about the OMSA meeting chaired by Abusugud Akhtyamov. Like the leadership of the Kazan Muslim Committee in Kazan, the leaders of the Ufa Committee for the Dissemination of Citizenship Ideas among Muslims used imams to propagate their ideas. On behalf of the Committee,

Gomer Teregulov declared that the duty of the clergy under the existing conditions was to explain the current situation to the population and assist the Provisional Government by delivering relevant sermons [50]. The Charitable Society was also used as a platform for disseminating the Committee’s ideas. On March 16, 1917, a meeting of the society was held, which discussed the current situation in the country. G. Teregulov announced their support for the power of the Provisional Government, the elections to the Constituent Assembly and announced the beginning of the Committee’s activities. Gumda Khabirov gave a brief report on the activities of the Committee and presented its Charter. At the meeting of the Society, 830 rubles were raised for the benefit of the Committee. [51]. Along with the publication of materials about its activities, in almost every issue of the newspaper “The Tormysh” (its editor being Zakir Kadyri), from March 1917, the Committee began its publishing activity by printing brochures, including the Charter of the Committee in the Tatar language and the brochure “Rusiyada zur uzgeresh kunnere” (“The Days of Big Changes in Russia”) [52].

The Committee played a leading role in organizing and holding two Ufa provincial Muslim congresses in April and July, 1917. The First Ufa Provincial Muslim Congress took place on April 14–17, 1917. The leaders of the Committee, Gumer Teregulov and Zakir Kadyri, were responsible for preparing the program. The organizing committee consisted of Idiatulla Enikeev, Akhmet-Sultan Teregulov, Gabd(ur)rahman Fakhretdinov and Usman Teregulov [33]. The congress spoke in favor of the religious autonomy of Muslims and their control of local schools [53, p. 136]. At the same time, here, local committees and bureaus continued to cooperate, and a vertical structure at the provincial level had not yet been created, which happened in accordance with the decisions of the Second Ufa Provincial Muslim Congress, held on July 13–15, 1917 [54, p. 137]. It created the Ufa Provincial Milli Shura (Ufa vilayat Milli Shurasy) as a representative body of Muslims of the Ufa Province, and from August 1917 as a regional body of the Muslims’ National-Cultural Autonomy representing the Turkic-Tatars of Inner Russia and Siberia in July 1917– April 1918. On July 16, 1917, the first meeting of the Executive Committee of the Ufa Provincial Milli Shura was held where it was decided to stop the activities of the Ufa Committee for the Dissemination of Citizenship Ideas among Muslims in early August and its district committees until August 5. To transform district

committees into district Milli Shuras, district Muslim congresses were to be held [55]. For example, on August 5, 1917, the Second Belebey District Muslim Congress advocated the creation and beginning of the District Milli Shura activities in accordance with the instructions of the Ufa Provincial Milli Shura during the liquidation of Muskom in Belebey [56].

As we have already indicated, the Muskoms considered, as their key function, the organization of participation in elections, which were held on the basis of universal suffrage, including women, for the first time in the history of Russia. Let's consider this case using the example of the elections of *glasnyis* (a member with a casting vote in the Russian Empire) to the City Dumas of Ufa, Kazan and Orenburg, which took place in the summer–autumn of 1917. In June 1917, the Ufa Committee for the Dissemination of Citizenship Ideas among Muslims concentrated its activities on the election of Muslim *glasnyis* to the Ufa City Duma. On June 2, 1917, a general meeting was held and a commission was formed to prepare Duma elections [57]. On June 16, 1917, a general meeting of Ufa Muslims, devoted to the elections to the City Duma, was held at the Vidineev Theater. G. Teregulov spoke in support of a Unified Muslim Bloc, although he announced the possibility of an alliance with the Social Revolutionaries. G. Ibragimov advocated a single bloc with the Socialist Revolutionaries and Social Democrats. As a result, out of the seventeen elected Muslim *glasnyis* in the City Duma, eight represented the list of socialists and nine represented a single Muslim list nominated at the general meeting of Muslims in Ufa [58]. At the same time, in the elections to the Orenburg City Duma on July 9, 1917, the Orenburg Muslim Bureau had twelve *glasnyis* on their single list (in total, Muslims received 20 seats out of 100) [16, p. 279]. In October, in the elections to the Kazan City Duma, the KMC list received six seats out of eighteen Muslim voters [29], which showed the growing influence of left socialists represented by the Muslim Socialist Committee after the failure of the Kornilov rebellion at the end of August 1917.

Results

Based primarily on our analysis of Muslim charitable societies' reports in the period of 1906–1916 and the data from the Tatar press published in Ufa and especially in Orenburg in 1917–1918, we have traced a high level of continuity maintained by the leadership of charitable societies in the 1900s–1910s and Muslim committees and bureaus

in the spring and summer of 1917. Both of these organizations were considered to be the bodies that were able to effectively mobilize their members to solve the assigned tasks.

Conclusions

Since in the second half of the 1900–1910s, the all-Russian Muslim liberal monarchist party “*Ittifaq al-Muslimin*” was not registered in the Russian Empire, and the registration of Muslim socialist movements was out of the question, it was the charitable societies that were the only legal form of Muslims' collegial social activity, which was widespread in many urban centers of the European and Asian Russia in the Russian Empire.

The example of Muslim members of charitable societies in Kazan, Ufa and Orenburg shows that many of them played a key role in public activities, in Muslim committees and bureaus created first after the February Revolution of 1917, and then in the bodies of national autonomy (Milli Idare and provincial Milli Shuras), which were formed in August and especially in the autumn of 1917. In the summer – autumn of 1917, the chairmen of the Muscoms in Kazan (M.-F. Tuktarov), Ufa (G. Teregulov) and Orenburg (M.-F. Karimi) headed the respective provincial Milli Shuras. The Muscoms of Ufa and Orenburg were located in the buildings of the charitable societies, used their infrastructure for Muscoms' activities; thus, in Ufa they were directly involved in raising financial assistance on the charitable society's venue.

The composition and leadership of Muslim charitable societies were predominantly of a qualified nature (*bourgeoisie*, clergy); in Ufa there were also *zemstvo* and city leaders, mainly from the nobility. This is especially clearly seen in their leadership. The leaders of the Muscoms of Kazan (M.-F. Tuktarov), Ufa (G. Teregulov) and Orenburg (M.-F. Karimi) did not have their own significant financial resources. This also applied to other members of the leadership, where the secular intellectuals (often teaching in *madrassas*) predominated. At the same time, the Muskoms, along with the representatives of the bourgeoisie and the clergy, included representatives of the lower strata of the population (military men, mainly soldiers), workers, clerks and artisans. Muscoms were not strictly based on the ethnic orientation of the politicians. Thus, one of the nine members of the Orenburg Muslim Bureau of its first composition was Akhmet Baitursunov who during the years of the Revolution of 1905–1907 proved himself as a defender of the Kazakhs' lands, later, from 1914, he was the editor of the newspaper “The

Kazakh" (Orenburg), in 1917 he became one of the leaders of the Alash party, and then the Alash-Orda. By the end of 1917, Gabdurrahman Fakhretdinov had emerged as one of the Bashkir autonomists' leaders.

The Muscoms operated based on the principles of equality, which included voting under universal suffrage. Therefore, they were eager to gain access to larger sections of the population. The Kazan Muslim Committee and the Orenburg Muslim Bureau included representatives of various professional groups. The Muskoms of Ufa, Kazan and Orenburg took an active part in the elections of glasnyis to the City Dumas in the summer–autumn of 1917. However, as early as in March 1917, the issue of elections to the All-Russian Constituent Assembly was raised, which made it necessary to contact primarily with the rural population. KMC actively collaborated with Jadid imams (starting with A. Apanay), organized lectures for imams in Kazan and sent agitators to the districts of the province. From the very beginning, the Ufa Committee for the Dissemination of Citizenship Ideas among Muslims tried to establish control over the OMSA in order to use the propaganda potential of the clergy, especially in rural areas. G. Teregulov in Ufa and I. Bikchentaev had the experience of heading the Education of Non-Russians Department in the Ufa and Orenburg Provincial Zemstvo Councils, respectively. In the fall of 1917, G. Ibragimov and his supporters from among the Tatar Left Socialist Revolutionaries actively used the corresponding county education departments, which provided access to teachers and the rural population as a whole. As a result, the list entitled "The Council of Peasant Deputies - the left faction of the Muslim National Council, the Tatar Socialist Revolutionaries, the Muslim National Council" received five out of eight deputy mandates of Muslims in the All-Russian Constituent Assembly (one place went to the list of the Muslim National Council represented by its chairman Gumer Teregulov and two places were included on the list of Bashkir federalists represented by Akhmad-Zaki Validi and Gumer Kuvatov) [9, pp. 283–284].

Thus, Muslim charitable societies and Muslim committees and bureaus played an important role in ensuring the creation of civil society traditions among Russian Muslims. The example of these organizations in Kazan, Ufa and Orenburg makes us see that their activities did not concern only social support for the poor, but also involved assistance in obtaining education and vertical mobility for the most talented of them, encouragement of

their social and political activities, including participation in general elections of 1917 up to the elections to the All-Russian Constituent Assembly.

References

1. Minnullin, Z. S. (2008). *Vozniknovenie i razvitie musul'manskikh blagotvoritel'nykh organizatsii Rossii (XIX – nachalo XX vv.)* [The Emergence and Development of Muslim Charitable Organizations in Russia (the 19th–early 20th centuries)]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Gumanitarnye nauki* T. 150, kn. 8, pp. 198–202. (In Russian)
2. Salikhov, R. R. (1997). *Obshchestvenno-reformatorskaya deyatel'nost' tatarskoi burzhuzii Kazani (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.): dis. ... kand. istor. nauk* [The Tatar Bourgeoisie and Its Social Reform Activities in Kazan (the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries): Ph.D. Thesis]. Kazan', 191 p. (In Russian)
3. Salikhov, R. R. (2004). *Uchastie tatarskogo predprinimatel'stva Rossii v obshchestvenno-politicheskikh protsessakh vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.: reforma institutov lokal'noi musul'manskoi obshchiny* [Participation of Tatar Entrepreneurship of Russia in the Socio-Political Processes in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: A Reform of the Local Muslim Community Institutions]. *Akad. nauk Resp. Tatarstan, In-t istorii im. Sh. Mardzhani Akad. nauk Resp. Tatarstan*. 259 p. Kazan', Fen. (In Russian)
4. Sharaf, B. (1913). *Orenburg gubernasynda musulmannar ijtimagyi ham iqtisadi mes'elese* [Social and Economic Issues of the Orenburg Governorate Muslims]. *Ang. No. 2*, pp. 29–31. (In Tatar)
5. Denisov, D. N. (2008). *Osnovnye napravleniya i formy deyatel'nosti musul'manskikh blagotvoritel'nykh organizatsii v Orenburgskoi gubernii (1898–1918 gg.)* [The Main Directions and Forms of Muslim Charitable Organizations' Activities in the Orenburg Province (1898–1918)]. *Forумы rossiiskikh musul'man*. No. 3, pp. 66–69. N. Novgorod. (In Russian)
6. Azamatova, G. B., Azamatov, D. D. (2009). *Iz istorii musul'manskoi blagotvoritel'nosti v Ufimskoi gubernii* [From the History of Muslim Charity in the Ufa Province]. *Problemy Vostokovedeniya*. No. 3 (45), pp. 43–52. (In Russian)
7. Khabutdinov, A. Yu. (2001). *Formirovanie natsii i osnovnye napravleniya razvitiya tatarskogo obshchestva v kontse XVIII – nachale XX vekov* [Formation of the Nation and the Main Directions of the Tatar Society Development in the Late 18th–Early 20th Centuries]. 383 p. Kazan', Idel-Press. (In Russian)
8. Khabutdinov, A. Yu. (2013). *Instituty rossiiskogo musul'manskogo soobshchestva v Volgo-Ural'skom regione* [Institutions of the Russian Muslim Community in the Volga-Ural Region]. 337 p. Moscow, Izdatel'skii dom Mardzhani. (In Russian)
9. Minnullin, Z. S., Ainutdinova, L. M. (2008). *Blagotvoritel'nost'. Tatarskaya ehntsiklopediya* [Chari-

- ty. Tatar Encyclopedia]. T. 1. A–V. Pp. 298–299. Kazan', Institut Tatarskoi ehntsiklopedii. (In Russian)
10. Valeyeva, M. G., Latypova, V. L. (2005). *Blagotvoritel'nost'. Bashkirskaya ehntsiklopediya* [Charity. Bashkir Encyclopedia]. T. 1. A–B. Pp. 505–506. Ufa, nauchnoe izd-vo “Bashkirskaya ehntsiklopediya”. (In Russian)
11. *Musul'manskii Komitet* (2002) [Muslim Committee]. Tatarskaya ehntsiklopediya. T. 4. M–P. Pp. 408–409. Kazan', Institut Tatarskoi ehntsiklopedii. (In Russian)
12. Mordvintsev, G. V. (2007). *Komitet po rasprostraneniyu idei grazhdanstvennosti sredi musul'man. Bashkirskaya ehntsiklopediya* [Committee for the Dissemination of of Citizenship Ideas among Muslims. Bashkir Encyclopedia]. T. 3. Z–K. 462 p. Ufa, nauchnoe izd-vo “Bashkirskaya ehntsiklopediya”. (In Russian)
13. Mordvintsev, G. V. (2010). *Vesna 1917 goda v Bashkirii (khronika sobytii)* [Spring of 1917 in Bashkiria (A Chronicle of Events)]. 228 p. Ufa, Akademiya VEHGU. (In Russian)
14. Bikbulatov, R. F. (1997). *Ufimskii komitet rasprostraneniya idei grazhdanstvennosti sredi musul'man* [Ufa Committee for the Dissemination of Citizenship Ideas among Muslims]. Politicheskie partii i dvizheniya v Bashkortostane: istoriya i sovremennost': materialy nauch.-praktich. konferentsii 14 oktyabrya 1997 g. Pp. 42–43. Ufa. (In Russian)
15. Denisov, D. N. (2009). *Orenburgskoe musul'manskoe byuro* [Orenburg Muslim Bureau]. Islam na Urale. Ehntsiklopedicheskii slovar'. Pp. 278–279. Moscow-N. Novgorod, ID “Medina”. (In Russian)
16. Khabutdinov, A. Yu. (2017). *Kazanskii Musul'manskii Komitet. Islam v Tatarstane: ehntsiklopedicheskii slovar'* [Kazan Muslim Committee. Islam in Tatarstan: An Encyclopedic Dictionary]. Kollekt. avtor.; sost. i otv. redaktor. A. Yu. Khabutdinov. 117 p. Moscow, ID “Medina”. (In Russian)
17. Khabutdinov, A. Yu., Azamatov, D. D. (2023). *Ufimskii komitet rasprostraneniya idei grazhdanstvennosti sredi musul'man. Islam v Bashchkortostane: ehntsiklopedicheskii slovar'* [Ufa Committee for the Dissemination of Citizenship Ideas among Muslims. Islam in Bashkortostan: An Encyclopedic Dictionary]. Kollekt. avtor.; otv. redaktor. A. Yu. Khabutdinov, M. N. Farkhshatov. Pp. 148–149. Moscow, ID “Medina”. (In Russian)
18. Donogo, Kh. M. (2023). *Obshchestvo prosveshcheniya tuzemtsev-musul'man Dagestanskoi oblasti* [Society for the Education of Muslim Natives of the Dagestan Region . Islam in the North Caucasus. An Encyclopedic Dictionary]. Islam na Severnom Kavkaze. Ehntsiklopedicheskii slovar'. Pp. 292–293. Moscow, ID “Medina”. (In Russian)
19. Farkhshatov, M. N. (2015). *Missiya i dukhovnoe nasledie sheikha Zainully Rasuleva: uchebnoe posobie* [Mission and Spiritual Heritage of Sheikh Zainulla Rasulev: A Textbook]. 272 p. Ufa, BGPU im. M. Akmully. (In Russian)
20. Salikhov R. R., Khabutdinov, A. Yu., Khairutdinov, R. R. (2017). *Apanaev Gabdulla. Islam v Tatarstane: ehntsiklopedicheskii slovar'* [Apanaev Gabdulla. Islam in Tatarstan: An Encyclopedic Dictionary]. Kollekt. avtor.; sost. i otv. redaktor. A. Yu. Khabutdinov. Pp. 28–29. Moscow, ID “Medina”. (In Russian)
21. Denisov, D. N. (2009). *Orenburgskoe obshchestvo popecheniya ob uchashchikhsya musul'manakh. Islam na Urale. Ehntsiklopedicheskii slovar* [Orenburg Society for the Care of Muslim Students. Islam in the Urals. An Encyclopedic Dictionary]. 280 p. Moscow-N. Novgorod, ID “Medina”. (In Russian)
22. Denisov, D. N. (2009). *Popechitel'skii sovet vakufa A. G. Khusainova. Islam na Urale. Ehntsiklopedicheskii slovar* [Board of Trustees of A. G. Khusainov's Waqf. Islam in the Urals. An Encyclopedic Dictionary]. 291 p. Moscow-N. Novgorod, ID “Medina”. (In Russian)
23. *Otchet pravleniya Ufimskogo popechitel'stva o bednykh musul'manakh s 1 yanvarya 1913 g. po 1 yanvarya 1914 g. (1914)* [Report of the Ufa Trusteeship Board on Poor Muslims from January 1, 1913 to January 1, 1914.]. 26 p. Ufa, Vostochnaya pechat'. (In Russian)
24. *Otchet Ufimskogo musul'manskogo damskogo obshchestva za 1914 g. (1916)* [Report of the Ufa Muslim Ladies' Society for 1914]. 11 p. Ufa, Vostochnaya pechat'. (In Russian)
25. *Kazan jemgyyate kheiriya ham anyng terbiyasende bulgan balalar mekeabe-priyut, velidetkhane, ambulatoriya ham dar el-gajizin khisaby 1915nche ely* (1916) [Report of the Kazan Charitable Society on the Account of the Children's School-Asylum, the Maternity-Hospital, the Outpatient Clinic and Dar Al-Gazizin in 1915]. 91 p. Kazan, Umid. (In Tatar)
26. *Qoyash*. (1917). 14 marta. (In Tatar)
27. *Yoldyz*. (1917). 26 aprelya. (In Tatar)
28. *Qurultai*. (1917). 3 noyabrya. (In Tatar)
29. *Qoyash*. (1917). 21 marta. (In Tatar)
30. *Qoyash*. (1917). 4 aprelya. (In Tatar)
31. *Qoyash*. (1917). 16 aprelya. (In Tatar)
32. *Tormysh*. (1917). 23 marta. (In Tatar)
33. *Vaqyt*. (1917). 10 marta. (In Tatar)
34. Denisov, D. N. (2009). *I s'ezd musul'man Orenburgskoi gubernii. Islam na Urale. Ehntsiklopedicheskii slovar'* [The First Congress of Muslims of the Orenburg Province. Islam in the Urals. An Encyclopedic Dictionary]. 14 p. Moscow-N. Novgorod, ID “Medina”. (In Russian)
35. *Tormysh*. (1917). 19 marta. (In Tatar)
36. Denisov, D. N., Khabutdinov, A. Yu. (2023). *Khakimovy. Islam v Bashchkortostane: ehntsiklopedicheskii slovar'* [Khakimovy. Islam in Bashkortostan: An Encyclopedic Dictionary]. Kollekt. avtor.; otv. redaktor. A. Yu. Khabutdinov, M. N. Farkhshatov. Pp. 161–162. Moscow, ID “Medina”. (In Russian)

37. Khabutdinov, A. Yu. *Teregulov. Islam v Bashchkortostane: ehntsiklopedicheskii slovar'* [Teregulov. Islam in Bashkortostan: An Encyclopedic Dictionary]. Kollekt. avtor.; otv. redaktor. A. Yu. Khabutdinov, M. N. Farkhshatov. Pp. 141–142. Moscow, ID “Medina”. (In Russian)
38. *Otchet Ufimskogo musul'manskogo blagotvoritel'nogo obshchestva za vremya s 22 noyabrya 195 g. po 1 yanvarya 1916 g.* (1916) [Report of the Ufa Muslim Charitable Society for the Period from November 22, 1915 to January 1, 1916]. Ufa, Vostochnaya pechat'. (In Russian)
39. *Tormysh.* (1917). 14 marta. (In Tatar)
40. *Tormysh.* (1917). 14 marta. (In Tatar)
41. *Vaqyt.* (1917). 12 marta. (In Tatar)
42. *Tormysh.* (1917). 15 aprelya. (In Tatar)
43. *Tormysh.* (1917). 8 marta. (In Tatar)
44. Usmanova, D. M. (2023). *Akhtyamov. Islam v Bashchkortostane: ehntsiklopedicheskii slovar'* [Akhtyamov. Islam in Bashkortostan: An Encyclopedic Dictionary]. Kollekt. avtor.; otv. redaktor. A. Yu. Khabutdinov, M. N. Farkhshatov. Pp. 14–15. Moscow, ID “Medina”. (In Russian)
45. Denisov, D. N. (2023). *Alkin. Islam v Bashchkortostane: ehntsiklopedicheskii slovar'* [Alkin. Islam in Bashkortostan: An Encyclopedic Dictionary]. Kollekt. avtor.; otv. redaktor. A. Yu. Khabutdinov, M. N. Farkhshatov. 11 p. Moscow, ID “Medina”. (In Russian)
46. *Tormysh.* (1917). 9 marta. (In Tatar)
47. *Tormysh.* (1917). 12 marta. (In Tatar)
48. *Tormysh.* (1917). 25 marta. (In Tatar)
49. *Tormysh.* (1917). 12 marta. (In Tatar)
50. *Tormysh.* (1917). 17 marta. (In Tatar)
51. *Tormysh.* (1917). 19 marta. (In Tatar)
52. *Tormysh.* (1917). 16 marta. (In Tatar)
53. Khabutdinov, A. Yu. (2023). *S"ezd musul'man Ufimskii gubernskii, pervyi* [Ufa Provincial Muslim Congress, the First]. Islam v Bashchkortostane: ehntsiklopedicheskii slovar' / Kollekt. avtor.; otv. redaktor. A. Yu. Khabutdinov, M. N. Farkhshatov. 136 p. Moscow, ID “Medina”. (In Russian)
54. Khabutdinov, A. Yu. (2023). *S"ezd Ufimskii gubernskii musul'manskii, Vtoroi* [Ufa Provincial Muslim Congress, the Second]. Islam v Bashchkortostane: ehntsiklopedicheskii slovar'. Kollekt. avtor.; otv. redaktor. A. Yu. Khabutdinov, M. N. Farkhshatov. 137 p. Moscow, ID “Medina”. (In Russian)
55. *Tormysh.* (1917). 20 iyulya. (In Tatar)
56. *Tormysh.* (1917). 17 avgusta. (In Tatar)
57. *Tormysh.* (1917). 6 iyunya. (In Tatar)
58. *Tormysh.* (1917). 16 iyulya. (In Tatar)

МУСУЛЬМАНСКИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА И МУСУЛЬМАНСКИЕ КОМИТЕТЫ И БЮРО (НА ПРИМЕРЕ КАЗАНСКОЙ, УФИМСКОЙ И ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

Дмитрий Витальевич Макаров,
Московский исламский институт,
Россия, 109382, Москва, проезд Кирова, д. 12,
dawletshah@mail.ru.

Айдар Юрьевич Хабутдинов,
Казанский филиал Российского государственного университета правосудия,
Россия, 420088, г. Казань, ул. 2-я Азинская, д. 7А,
aikhabutdinov@mail.ru.

Статья посвящена мусульманским благотворительным обществам и Мусульманским комитетам и бюро как формам самоорганизации и общественного движения российских мусульман в начале XX в. Уже в конце XIX в. создаются первые мусульманские благотворительные общества как культурно-просветительские и социальные центры общин, имеющие коллегиальное управление. Мусульманские комитеты и бюро, сформированные после Февральской революции 1917 г., в основном являлись общественно-политическими организациями мусульман тюрко-татар округа Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), а не политическими органами определенной направленности. Весной-летом, местами в начале осени 1917 г., они объединяли деятельность различных мусульманских организаций в губернском городе, а затем зачастую и во всей губернии, став прямыми предшественниками губернских Милли Шуро (Национальных Советов), которые с самого начала были органами национально-культурной автономии. В этой статье мы анализируем преемственность и взаимодействие между этими двумя структурами, а также их общественную деятельность.

Ключевые слова: мусульманское благотворительное общество, Мусульманский Комитет, Мусульманское Бюро, Милли Шуро, Милли Идарэ

Введение

Создание и деятельность Мусульманских благотворительных обществ в Российской империи в конце XIX – начале XX в., как и Мусульманских Комитетов и Бюро в 1917 г. на территории современной России, неразрывно связаны прежде всего с феноменом городской цивилизации татар и крымских татар в лице городских мусульманских общин, которые зачастую территориально были привязаны к Татарским Слободам. От Архангельска на Севере до Крыма и Астрахани на Юге, от Санкт-Петербурга на Западе до Томска на Востоке мы видим эту связь между городскими общинами, чьими центрами были прежде всего мечети, и мусульманскими благотворительными обществами. После Февральской революции, когда формы общественного движения принципиально изменились, уже в марте 1917 г. мы видим создание в городах, прежде всего в губернских центрах, Мусульманских Комитетов и Бюро, которые в губерниях с многочисленным мусульманским населением выстраивают отношения с имеющимися аналогичными структурами в уездных и ряде волостных центров.

Уже в апреле 1917 г. мы видим в ряде регионов губернские мусульманские съезды, которые создают возможность для объединения в рамках всего региона. Накануне II Всероссийского Мусульманского съезда в Казани, в июле 1917 г. на губернских съездах происходит избрание делегатов на него и принятие решений о формировании Губернских Милли Шуро и их Исполкомов. После II Всероссийского Мусульманского съезда (22–29 июля 1917 г.) создаются Губернские Милли Шуро как региональные органы национально-культурной автономии мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири, что обозначает окончание эпохи деятельности Мусульманских Комитетов и Бюро как преимущественно городских общественно-политических организаций мусульман в пользу общегубернских органов.

Проблематика деятельности мусульманских благотворительных обществ, как и Мусульманских Комитетов и Бюро, не получила комплексного анализа. Первой темой в течение многих лет занимался ныне покойный З. С. Миннуллин. К сожалению, он оставил только ряд статей общего характера, среди которых постановочный характер носит статья «Возникновение

и развитие мусульманских благотворительных организаций России (XIX – начало XX в.)» [1].

Проблематика мусульманских благотворительных обществ была частично затронута уже в кандидатской диссертации Р. Р. Салихова «Общественно-реформаторская деятельность татарской буржуазии Казани (вторая половина XIX – начало XX в.)» (Казань, 1997) [2] и расширившей ее и легшей в основу докторской диссертации монографии «Участие татарского предпринимательства России в общественно-политических процессах второй половины XIX – начала XX в.: реформа институтов локальной мусульманской общины» (Казань, 2004) [3]. Здесь мусульманские благотворительные общества анализируются на примере Казани, Касимова и Санкт-Петербурга, и сам параграф называется «создание специализированных учреждений социального обеспечения мусульманского населения» [3, с. 239–257], то есть анализируется важный, но только один из аспектов деятельности обществ.

В 1915 г. первое место по числу мусульманских благотворительных обществ в России занимала Оренбургская губерния (12 из 87) [4, с. 29–31]. Постановочное значение для анализа мусульманской благотворительности Оренбургского края носит статья Д. Н. Денисова «Основные направления и формы деятельности мусульманских благотворительных организаций в Оренбургской губернии (1898–1918 гг.)» [5]. Поскольку вторым по значимости центром мусульманских благотворительных обществ в Оренбургской губернии был Троицк и мусульманское благотворительное общество существовало также в Челябинске, то эти сюжеты рассмотрены в монографии Д. Н. Денисова «Очерки по истории мусульманских общин Челябинского края (XVIII – нач. XX в.)» [6, с. 112–119, 184]. Сюжеты, касающиеся г. Уфы, частично рассмотрены в статье Г. Б. Азаматова и Д. Д. Азаматовой «Из истории мусульманской благотворительности в Уфимской губернии» [7]. Один из авторов данной статьи анализировал роль благотворительных обществ для джадидской реформы в своей монографии, выпущенной перед защитой докторской диссертации [8, с. 165–167], посвятил благотворительным обществам главу своей монографии, где они анализируются на примере обществ Каза-

ни, Санкт-Петербурга, Оренбургской и Уфимской губерний [9, с. 138–158].

В сводной статье «Благотворительность» в 1-м томе Татарской энциклопедии мусульманским благотворительным обществам посвящен всего один абзац, и в списке литературы отсутствуют посвященные им издания. В списке говорится о примерно 100 татарских благотворительных обществах к 1917 г. (упомянуты общества Астрахани, Касимова, Казани, Москвы, Оренбурга, Перми, Санкт-Петербурга, Троицка), данные об обществах несистемно помещены по всем 6 томам Татарской энциклопедии, в основном с привязкой к населенным пунктам. В статье 1-го тома курсивом выделены только Бекбулатовское общество взаимной благотворительности касимовских татар в Санкт-Петербурге и «Общество пособия бедным мусульманам г. Казани» [10, с. 408–409]. В сводной статье «Благотворительность» в 1-м томе Башкирской энциклопедии [11, с. 505–506] мусульманские благотворительные общества даже не выделены. Здесь упоминается «Попечительство о бедных мусульманах г. Уфы» (но не «Уфимское мусульманское благотворительное общество»), и отдельная статья далее посвящена только «Уфимскому мусульманскому дамскому обществу». В готовящемся к печати сводном издании словаря «Ислам в Российской Федерации» (авторы являются ответственными редакторами серии) содержатся разного объема статьи о 67 мусульманских благотворительных обществах Волго-Уральского региона, Центральной России, Северо-Запада, Сибири, Крыма, Северного Кавказа.

Тема деятельности Мусульманских Комитетов и Бюро почти не привлекла внимание специалистов. В Татарской энциклопедии по этой тематике есть только статья «[Казанский] Мусульманский Комитет». Она содержит 16 строчек и не имеет ни указанного автора, ни списка литературы [12]. В «Башкирской энциклопедии» уфимскому «Комитету по распространению идей гражданственности среди мусульман» посвящена 21 строчка. Автором статьи является Г. В. Мордвинцев [13], а весь список литературы ограничен: «Мордвинцев Г. В. Март 1917 года в Башкирии (хроника событий)» (Уфа, 1997). В аннотации к этой монографии честно указывается: «Основными источниками написания хроники событий стали фонды архивов Башкирии – Центрального государственного исторического архива и Центрального государственного архива обществен-

ных организаций и объединений, а также материалы периодики 1917 г. на русском языке. Последнее обстоятельство затруднило доступ к сведениям о развитии национального движения башкир и татар» [14, с. 3]. Единичной, например, является статья Р. Ф. Бикбулатова «Уфимский комитет распространения идей гражданственности среди мусульман» [15], но ее объем составляет всего 2 страницы, в то время как в уфимских газетах «Тормыш» и частично «Ирек» за март – июль 1917 г. содержатся многочисленные сюжеты о деятельности Комитета и его контактах с общественно-политическим движением соседних губерний.

Для анализа деятельности Мусульманских Комитетов и Бюро необходима концентрация на краткосрочном периоде их деятельности весной-летом, максимум части осени 1917 г., то есть нужно следить за постоянно развивающимся и меняющимся сюжетом во взаимосвязи с другими сюжетами эволюции российского общества и движения других групп мусульман (военные, учителя, женщины и т. п.). Другой проблемой является тот факт, что практически единственным источником по этой теме является татарская пресса того периода, о чем будет сказано ниже. Соответственно, прекращение выхода оренбургской газеты «Вақыт» большей частью лета и частью осени 1917 г. резко суживает для нас возможность получения последовательной и детальной информации о деятельности Оренбургского мусульманского бюро. Поэтому наша целостная информация концентрируется прежде всего на Казани, Уфе, частично Оренбурге с их стабильными газетами, где имелись постоянные рубрики, посвященные Мусульманским Комитетам и Бюро соответствующих губернских центров. В серии региональных статей словаря «Ислам в Российской Федерации» мы посвятили ряд статей конкретным мусульманским благотворительным обществам, а также Мусульманским Комитетам и Бюро Казани, Уфы и Оренбурга. В 2009 г. в томе «Ислам на Урале» вышла статья Д. Н. Денисова, посвященная Оренбургскому мусульманскому бюро [16, с. 278–279], в 2017 г. один из авторов проанализировал деятельность Казанского Мусульманского Комитета в томе «Ислам в Татарстане» [17, с. 117], в 2023 г. «Уфимскому комитету распространения идей гражданственности среди мусульман» была посвящена статья в томе «Ислам в Башкортостане» [18, с. 148–149]. Однако речь идет об отдельных комитетах и бюро, а не о феномене в целом.

Методы и источники

Основной группой источников для анализа мусульманских благотворительных обществ являются их Уставы и Отчеты. Уникальная коллекция этих печатных изданий была собрана прежде всего З. С. Миннуллиным в ОРРК Научной библиотеки им. Лобачевского КФУ. Тема деятельности мусульманских благотворительных обществ является важнейшим сюжетом для татарской прессы того периода, информация об их заседаниях в разделе «жәмгыяте хайрия» (благотворительное общество) и их отчеты регулярно помещаются на страницах газет. Наиболее адекватное представление о деятельности «Общества пособия бедным мусульманам г. Казани» в 1906–1917 гг. мы можем получить на страницах казанской газеты «Йолдыз» («Юлдуз»), с 1913 г. к ней добавляется «Кояш». Оренбургская газета «Вакыт» также в 1906–1917 гг. регулярно публикует информацию о деятельности «Мусульманского общества Оренбурга» и «Оренбургского мусульманского женского общества». Хуже складывается ситуация в Уфе, где регулярно выходящая газета «Тормыш» появилась только в октябре 1913 г. Из основных центров общественной деятельности российских мусульман отсутствовала мусульманская газета в Троицке; газета «Ил» / «Сүз» / «Безнең ил» выходила с перерывами с ноября 1914 г., постоянно с конца марта 1917 г., что не дает стабильной информации для анализа деятельности «Московского мусульманского благотворительного общества» (1906–1917); газеты, выходившие в Санкт-Петербурге в 1906–1917 гг., концентрировались на общероимперской/общероссийской тематике и внешней политике и не выделяли в особую рубрику деятельность Мусульманского благотворительного общества Санкт-Петербурга (1898–1917). Поэтому при анализе мусульманских благотворительных обществ мы сконцентрируемся прежде всего на Казани и Оренбурге, частично Уфе, где отчетные материалы подкреплены материалами прессы.

Относительно Мусульманских Комитетов и Бюро важнейшим и зачастую единственным источником является пресса. Для Казани это газеты «Йолдыз», «Кояш», «Аваз», «Курултай», для Уфы – «Тормыш» и частично «Ирек», для Оренбурга – «Вакыт» и частично «Тормыш».

Статья основана на использовании сравнительно-исторического, проблемно-хронологи-

ческого методов, метода синхронного анализа, периодизации, классификации и др.

Обсуждение

Мусульманские благотворительные общества как система национально-культурных организаций были образованы в различных городах Российской империи в 1890–1910-е гг. В Волго-Уральском регионе первым в 1897 г. в г. Астрахани было открыто Попечительство о бедных татарах, в Центральной России – Касимовское мусульманское благотворительное общество, в том же году было создано Крымское благотворительное общество пособия бедным мусульманам г. Симферополя «Джемиет хайрие». В 1898 г. возникают Мусульманское благотворительное общество в Санкт-Петербурге, Казанское Общество пособия бедным мусульманам, Уфимское попечительство о бедных мусульманах (с 1915 г. Уфимское мусульманское благотворительное общество), Троицкое мусульманское благотворительное общество. Мусульманские благотворительные общества Северного Кавказа системно возникают в период революции 1905–1907 гг. Устав первого из них – Общества просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области (мусульманская благотворительная и культурно-просветительская организация) в г. Темир-Хан-Шуре (ныне Буйнакске Республики Дагестан) – был утвержден только 10 октября 1905 г., хотя попытки предпринимались с 1901 г. [19, с. 292–293].

В период революции 1905–1907 гг. и в последующее десятилетие начинается массовое открытие обществ. Если в 1903 г. в России было восемь мусульманских благотворительных обществ (в Казани, Санкт-Петербурге, Троицке, Симферополе, Ялте, Касимове, Астрахани, Семипалатинске), то в 1915 г. – восемьдесят семь [4, с. 29–31].

Революционным в деятельности обществ был переход от деятельности конкретных мутаваллиев-попечителей (в лучшем случае мутаваллиатов – попечительских советов), ограниченных рамками конкретных махаллей (приходов) к общегородским структурам. При этом в Российской империи после многолетних усилий был признан только попечительский совет вакфа А. Хусаинова, в то время как, например, имам и мударрис медресе «Расулия» в Троицке, виднейший шейх тариката Накшбандийа Зайнулла Расули получил отказ от товарища (заместителя) министра МВД на создание мутаваллиата на основе пожертвованной им недви-

жимости в приходе 5-й мечети. На представление ОМДС от 6 марта 1912 г. «о разрешении принятия от Расулева жертвуемых им 3 дворовых мест с постройками в пользу означенной мечети, за министра внутренних дел товарищ министра 6 мая сего года за № 4118 дал знать Собранию, что существование приходских попечительств при мечетях действующими законоположениями об управлении духовными делами магометан не предусмотрено, а потому он не признал возможным разрешить принятие пожертвования Расулева на указанных им условиях». На основании этого решения ОМДС 1 ноября 1912 г. ответило, что управление вакфом должно осуществляться отдельным мутаваллием, «т. е. уполномоченными от прихода; учреждение же приходского попечительства законом не предусмотрено» [20, с. 218–219]. Тем самым закрывалась возможность перехода от средневековой единоличной структуры к коллегиальной структуре Нового времени, так как именно вакфная собственность в мусульманской традиции создавала возможности для стабильного финансового обеспечения потребностей образования и всей социальной сферы.

В этих условиях только мусульманские благотворительные общества могли быть структурами, стабильно финансирующими потребности мусульманской общины своего города, независимо от желания или отмеренного жизненного пути отдельных лиц. Однако сам опыт мутаваллиев оставался, поэтому лидеры мусульманских благотворительных обществ в стабильных городских общинах зачастую возникали из представителей наиболее зажиточных семейств, обладавших опытом контроля над махаллей, ее медресе и вакфами. Наиболее заметно это на примере обществ Казани и Троицка. Из двух десятилетий деятельности казанского общества его возглавляли два представителя рода Апанаевых: имам Габдулла Абдулакаримович Апанаев (1902–1907) и его брат Мухаммабдретдин Абдулакаримович Апанаев (1910–1917). Первый из них был ближайшим сподвижником Галимджана Баруди, имамом «Сенной мечети»; в 1906 г. он возглавил образовательную комиссию III Всероссийского мусульманского съезда, где был избран членом ЦК партии «Иттифак аль-муслимин», а в 1908 г. он был выслан вместе с братьями Г. и С. Баруди и купцом А. Х. Казаковым как лидерами Казанского бюро «Иттифак аль-муслимин» [9, с. 140]. Симптоматично, что 12 марта 1917 г. он стал заместителем председателя Казанского

мусульманского комитета, а в ноябре 1917 г. мухтасибом Казанской губернии [21, с. 29]. Троицкое мусульманское благотворительное общество возглавлялось все годы представителями рода Яушевых в лице братьев Абдували и Муллагали, которые уже имели опыт попечительства в мечетях 2-го и 6-го приходов Троицка, однако, в отличие от единоличных полномочий мутаваллиев, власть председателей обществ была ограничена членами правления и находилась под гораздо более строгими правилами публичной отчетности.

Благотворительные Общества и Мусульманские комитеты как каналы мобильности

На примере Оренбургского мусульманского общества мы видим, что речь идет не только о коллегиальности, но и о том, что не одни баи-предприниматели были членами общества: Д. Н. Денисов указывает, что наряду с ними были приказчики, конторские служащие, имамы, представители национальной интеллигенции, включая педагогов и журналистов. Общество насчитывало в 1907 г. 129 членов, в 1908 г. – 296, в 1909 г. – 306, в 1910 г. – 323, в 1911 г. – 267, в 1912 г. – 269, в 1913 г. – 320 [5, с. 66–69]. В октябре 1906 г. Общество открыло в г. Оренбурге мусульманскую бесплатную библиотеку (ныне библиотека им. Х. Ямашева), финансировало создание и деятельность 3 мусульманских начальных школ на беднейших окраинах города; двух 3-годичных учебно-вспомогательных мастерских для обучения детей бедных мусульман (одна только столярному ремеслу, другая – еще и корзиночному с обязательным преподаванием русского языка) [Там же].

Подготовкой будущей татарской элиты края занималось Оренбургское общество попечения об учащихся мусульманах, чей Устав был зарегистрирован 11 мая 1912 г. В состав правления входили Мухаммад-Закир Рамиев (Дэрдменд, председатель), мугаллим Сунгатулла Бикбулатов (зам. председателя), предприниматель-миллионер Абдулхамид Хусаинов (казначей), один из основателей татарского профессионального театра Мухтар Мутинов (секретарь), в будущем политик и депутат Учредительного Собрания Шакир Мухаммедьяров (секретарь), мугаллим Нургали Надиев (секретарь), Мухаммад-Фатих Карими, Х. В. Рамеев, мугаллим, а тогда конторщик Харис Файзи-Чистапули, сын Ризы-казыя, в будущем политик и главный редактор газеты «Вестник Башкирского Правительства» («Башкортостан хөкүмәтенен теле»), мугаллим

Габдуррахман Фахретдинов, предприниматель Хусаин Хусаинов, журналист Бурхан Шараф, а среди членов – будущий муфтий ЦДУМ Риза Фахретдин (1923–1936), председатель Милли Идарэ в 1917–1918 гг. Садри Максуди и и. о. председателя Милли Идарэ в 1919 г. Салим-Гирей Джантюрин. Общество выдавало безвозмездные пособия или беспроцентные ссуды мусульманам, поступающим или уже обучающимся на различных курсах, в начальных, средних и высших учебных заведениях России. Среди лиц, получавших такую финансовую помощь, были будущие депутаты Учредительного Собрания Шакир Мухаммедьяров и Мухаммад-Наджиб Хальфин и др. Осенью 1913 г. Общество открыло в г. Оренбурге подготовительную школу для детей мусульман, желавших поступить в гимназии и реальные училища [22, с. 280]. Значительную поддержку для стремившихся получить высшее и среднее религиозное и светское образование в России и за рубежом (до начала Первой мировой войны) оказывал оренбургский попечительский совет вакуфа А. Г. Хусаинова (1907–1917 г.) [23, с. 291].

«Попечительство о бедных мусульманах г. Уфы» (1898–1915) концентрировалось на помощи в овладении ремеслами и получении образования в медресе г. Уфы. В 1913 г. оно открыло при медресе «Усмания» г. Уфы столярную мастерскую, где в 1913 г. обучалось 20 человек, на что было израсходовано 455 руб. По отчету правления Попечительства за 1913 г. на помощь бедным и учащимся было ассигновано 2.704 руб. При этом речь шла об адресной поддержке «беднейших» шакирдов медресе Уфы в количестве 37 человек, всего шакирдам медресе при 1-4 Соборных мечетях Уфы за год было выделено 1.375 руб. [24, с. 3, 5, 8, 24]. Социальная поддержка и подготовка к жизни касалась и мусульманских девочек Уфы. Так, Уфимское мусульманское дамское общество содержало приют, где обучались грамоте, шитью одежды и обуви и другим рукоделиям (527 руб. в 1914 г.). В 1914 г. 7 учебным заведениям при 517 школьницах было выделено 1.652 руб., прежде всего на зарплату учительницам [25, с. 7].

«Общество пособия бедным мусульманам г. Казани» официально закрепило за собой право финансировать просветительскую деятельность среди мусульман. Средства в основном направлялись на оплату обучения бедных шакирдов в средних и высших духовных заведениях России, а также на создание подведомственных «Обществу...» русско-татарских на-

чальных школ. При «мусульманском приюте с 1 ноября 1909 года существовало мужское русско-татарское училище <...>, а также русско-татарское женское училище» [2, с. 39–40]. Традиционно основные статьи расходов «Общества пособия бедным мусульманам г. Казани» (1898–1917) в 1910-е гг. касались богадельни, родильного дома, детского приюта-школы. Но в отчете за 1915 г. также мы видим пожертвования на женскую школу имени Муштариевой (2.788 руб.), а также на мусульманский лазарет в Казани (1482 руб.) и в пользу мусульман – жертв военных действий в Карской области (3.013 руб.), то есть в пользу лиц, пострадавших в ходе Первой мировой войны [26, с. 53–63]. Следует сказать, что в годы этой войны практически все мусульманские благотворительные общества активно помогали раненым, причем в мусульманских лазаретах лечились не только мусульмане.

Таким образом, мусульманские благотворительные общества в начале XX в. не ограничивались социальным обеспечением. Они помогали деньгами, одеждой, питанием, канцелярскими принадлежностями детям из бедных семей обоюбого пола во время обучения их в начальной школе (для сирот – в школе при приюте); затем способные дети получали возможность получить среднее и даже высшее образование, остальные обучались ремеслу. Важно, что в 1910-е гг. возникает тенденция образования девочек как будущих учительниц.

В 1917 г., если мы проанализируем деятельность Мусульманских Комитетов, то на примере Казани и Оренбурга (см. ниже) мы также сразу увидим стремление обеспечить вертикальную мобильность для находившихся недавно внизу слоев общества: рабочих, солдат, приказчиков, ремесленников, женщин. 12 марта 1917 г. было сформировано руководство КМК: председатель – Фуад Туктаров, зам. председателя – Габдулла Апанай и Валидхан Таначев, секретари – Амин Мустафин и Султан-Ахмет Габяши, члены: Амина Мухетдинова (от учительниц), Ильяс Алкин (от военных), Валиулла Ибрагимов (от буржуазии), Саит Вахидов (от военных) и Рахимджан Даминов (от Общества учителей), Кашшаф Тарджемани и Ахметжан Мустафа (от духовенства) [27]. Неслучайность такого выделения профессиональных групп со стороны КМК мы можем доказать еще на двух примерах. На заседании 23 апреля КМК сформировал два списка. Первый из них – в гласные Городской Думы (реальные выборы пройдут в

октябре и, наряду со списком КМК, будет участвовать и список МСК от его партнеров). 23 апреля КМК рекомендовал список, включавший 4 своих представителей (С.-Г. Алкин, Ф. Туктаров, М.-Н. Хальфин, Г. Рафиков), также намечалось избрать 3 представителей рабочих-мусульман, по 1 – от учителей, женщин, приказчиков и ремесленников [28]. Стоит отметить, что КМК поддерживает пассивное избирательное право для женщин, и в октябре 1917 г. Х. Таначева была избрана в гласные Городской Думы по списку КМК [29]. На заседании 23 апреля КМК сформировал список делегатов на I Всероссийский мусульманский съезд. От самого КМК были рекомендованы только Ф. Туктаров и И. Ханзафаров, вдобавок 6 делегатов от военных, 4 – от рабочих, по одному от 1 улемов, мугаллим, мугаллимов, женщин, купцов, учителей и приказчиков, то есть от представителей вполне конкретных казанских обществ улемов, мугаллим, мугаллимов, женщин, учителей, рабочих. Военные сформировали Харби Шуро, а на 27–30 апреля 1917 г. в Москве накануне съезда намечалось совещание военномусульман [28].

Большое значение для деятельности Мускомов приобретала политическая мобилизация населения как для реформы религиозных (см. следующий раздел) и создания собственно национальных структур, так и для мобилизации на выборы, прежде всего во Всероссийское Учредительное Собрание. Основным каналом для агитации среди сельского населения оставались имамы. Рассмотрим эту политико-просветительную деятельность на примере Мускомов Казани и Уфы. 19 марта 1917 г. КМК сформировал комиссии: финансовую, юридическую, информационную и газетную [30]. В конце марта были организованы курсы для имамхатыбов, которые открылись лекцией имама и мударриса прихода 11-й Соборной мечети Казани Кашшафа Тарджемани об истории ОМДС и Всероссийских мусульманских съездов 1905–1906 г. и 1914 г. КМК приступил к агитации в уездах «для ознакомления с современным положением» [31]. К 16 апреля отделения КМК действовали в гг. Арске, Мамадыше, Свияжске, Чистополе, ауле Сатышево Мамадышского уезда Казанской губернии, действовали тесные контакты с мусульманами Уржумского и Малмыжского уездов Вятской губернии [32]. Во второй половине марта 1917 г. Уфимский комитет занялся рассылкой лекторов по уездам Уфимской губернии (Мубаракша Ханафи, Га-

лиаскар Гафуров, Кашафулла Шамсутдинов), в качестве основных помощников по организации рассматривались имамы [33].

Руководство и организационная деятельность

Наиболее прямой пример преемственности в руководстве мусульманского благотворительного общества и мусульманского бюро мы видим в Оренбурге. Так, первым председателем Оренбургского мусульманского общества в 1906–1907 гг. был политический лидер мусульман Оренбурга и редактор газеты «Вақыт» в 1906–1917 гг. Мухаммад-Фатих Карими. Однако после поражения революции 1905–1907 гг. он потерял этот пост, дольше всего общество возглавлял сын Гани-бая Хусаинова – Абдулхамид Хусаинов (1913–1917) [9, с. 144]. Однако сразу же после Февральской революции 5 марта 1917 г. в Оренбурге прошло первое собрание мусульман, где было создано постоянное Оренбургское мусульманское бюро под председательством Фатиха Карими [34], который и был его бессменным лидером вплоть до того момента, пока не возглавил Оренбургское губернское Милли Шуро, избранное на I съезде мусульман Оренбургской губернии (27 сентября – 5 октября) 1917 г. [35, с. 14]. Оренбургское мусульманское бюро размещалось в здании Оренбургского мусульманского общества и мусульманской библиотеки [36]. В Уфе мы видим, что достаточно радикальные изменения происходят в 1915 г., когда либерального земского деятеля, дворянина, депутата 1-й Гос. Думы Салим-Гирея Джантюрина сменяет купец-миллионер Мухаммад-Наджиб Хакимов, отец которого создал инфраструктуру на уровне махалли мечети 4-й Соборной г. Уфы и медресе «Хакимия» при ней [37, с. 161–162]. Вскоре «Уфимское попечительство о бедных мусульманах» меняет название на «Уфимское мусульманское благотворительное общество», и в состав его правления входит социал-демократ, меньшевик Гумер Терегулов, который в 1911 г. заведовал отделом инородческого образования при Уфимской губернской земской управе, 9 марта 1917 г. стал председателем правления Комитета распространения идей гражданственности среди мусульман, а в июле 1917 г. – членом, а затем председателем Исполкома Уфимского губернского Милли Шура (мусульманского национального совета) [38, с. 141–142]. Еще одним членом правления общества был избран Идаятулла Еникеев, который 9 марта 1917 г. также войдет в руководство Уфимского

Комитета распространения идей гражданственности среди мусульман [39, б. п].

Сами заседания Комитета распространения идей гражданственности среди мусульман проходили в здании «Уфимского мусульманского благотворительного общества», о чем регулярно сообщалось в «Тормыш» в сообщениях о заседаниях (см., например: [40]). Позднее Уфимское губернское Милли Шура (УГМШ) также размещалось в здании благотворительного общества.

6 марта 1917 г. в Оренбургское мусульманское бюро было избрано 9 человек. Наряду с Фатихом Карими мы видим членов правления Оренбургского общества попечения об учащих-ся мусульманах Бурхана Шарафа и Мухтара Мутина, бывшего депутата II Государственной Думы Калимуллу Хасанова, заведующего отделом инородческого образования Оренбургской губернской земской управы Ибрагима Бикчен-таева, видного казахского политика, в дальнейшем одного из лидеров Алаш-Орды Ахмеда Байтурсунова, А. Тимербулатова, А. Ниязбаева [40]. Через несколько дней на профессиональных собраниях в состав бюро были избраны представители имамов, учителей, приказчиков и конторщиков, рабочих. Так, например, 10 марта 1917 г. прошло собрание имамов и муэдзинов Оренбурга под председательством муллы 5-й соборной мечети Захидуллы Кашаева. В бюро были делегированы имам Меновнинской мечети Исхак Адильгареев и имам 3-й соборной мечети Абдулгазиз Абдулкаримов [41].

Оренбургское мусульманское бюро 8–10 апреля 1917 г. стало организатором уникального совещания представителей мусульман и бюро как Европейской, так и Азиатской России, многие из пунктов решений которого были закреплены в резолюциях I Всероссийского мусульманского съезда (Москва, 1–11 мая 1917 г.). В совещании, прошедшем под председательством лидера Оренбургского мусульманского бюро Мухаммад-Фатиха Карими, приняли участие представители Казанского Мусульманского Комитета (Валидхан Таначев, Наджиб Хальфин), Уфимского Комитета распространения идей гражданственности среди мусульман Уфы (Вагиз Наврузов, Габдурахман Фахретдинов), Ташкента (Габдельсами карый Зыябаев, Садык Габдуссатаров), представителей казахского съезда (Мирякуб (Миржакип) Дулатов, Хусаин Тураджанов), Мусульманского бюро Самары (Габдурахман Минюшев), Акмолинска (Габдурахман Муртазин), Каргалы (Мухаммади

хазрат Мустаев), Казалинска (Габдулла Давлетшин). После докладов представителей регионов вторым блоком на совещании рассматривались вопросы, намеченные на I Всероссийский мусульманский съезд, включая вопросы национально-культурного самоуправления, выборов в Учредительное Собрание; вопрос окраин; помощь пострадавшим от войны; женский вопрос; рабочий и земельный вопрос; организация Всероссийского мусульманского съезда. В отношении организации власти рассматривались вопросы отношения к Советам и органам местного самоуправления; обеспечения нужд местных органов управления и их отношения с Временным правительством; участие в Туркестанском мусульманском съезде. Земельный вопрос предлагалось передать на решение Всероссийскому Учредительному Собранию. В качестве формы правления была поддержана Российская федеративная народная республика. В религиозном вопросе провозглашались свобода и равноправие всех религий; отделение религиозных дел от государственных; подчинение религиозных мектебов и медресе Духовному Собранию (Махкама-и-Шаргыя) мусульман Внутренней России. Представители Мусульман Казани, Уфы и Оренбурга договорились о взаимном сотрудничестве [42]. Наиболее радикальным решением на тот момент, по сравнению с другими решениями, была поддержка территориальной федерации, так как до Московского съезда вопрос ставился об унитарной республике с широким местным самоуправлением при религиозной автономии.

Первой ключевой задачей для формирующегося Уфимского комитета распространения идей гражданственности среди мусульман стал контроль над ОМДС. При этом Комитет еще не имел ни руководства, ни названия. 5 марта 1917 г. был организован первый митинг мусульман в г. Уфе с требованиями удалить с должности и арестовать муфтия ОМДС Мухаммад-Сафы Баязитова и казья Гинятуллы Капкаева, предоставить свободу мусульманам в религиозных и национально-культурных делах, делегировать представителей мусульман в общественные организации. В результате этого митинга и была создана рабочая группа под руководством Г. Тергулова и редактора газеты «Тормыш» З. Кадыри. Эти два человека с 6 марта 1917 г. начали формирование Комитета (первоначальное название «бюро»), от имени которого сразу же был выдвинут лозунг распространения среди народа политического соз-

нения и отставки М.-С. Баязитова и Г. Капкаева. [43].

7 марта 1917 г. Президиум Уфимского губернского комитета общественных организаций назначил для надзора над деятельностью ОМДС трех комиссаров: А. Ахтямова, К.-М. Алкина, Г. Терегулова, все трое были светскими деятелями. Легитимность Абусугуда Ахтямова определялась прежде всего его ролью в годы революции 1905-1907 гг. как члена ЦК партии Иттифак аль-муслимин» и депутата 1-й Гос. Думы от Уфимской губернии в 1906 г. Ранее, в 1895–1999 гг., как квалифицированный юрист, закончивший юридический факультет Казанского императорского университета, он выполнял роль секретаря ОМДС [44, с. 14–15]. Кутлуг-Мухаммед Алкин происходил из татарского рода крупных землевладельцев и потомственных дворян, избирался гласным Белебеевского уездного земского собрания на 1894–1911 гг., гласным Уфимской городской думы на 1912–1917 гг. Как благотворитель в 1906 г. выступил одним из инициаторов открытия медресе «Галия» и оставался членом Попечительского совета медресе «Галия» до 1915 г., был членом Правления (казначеем) Уфимского Общества вспомоществования учащимся в высших учебных заведениях [45, с. 11].

Вопрос об ОМДС рассматривался на заседании бюро 7 марта, которое вначале дает название самому Комитету. Вторая часть заседания была посвящена вопросу ОМДС, где было объявлено о назначении вышеуказанных 3 комиссаров, смещении М.-С. Баязитова и Г. Капкаева и об опоре в ОМДС на двух остальных казыев: С. Урманова и Н.-М. Мамлиева, выразивших лояльность Временному правительству. Салихджан Урманов написал обращение к духовенству Собрания с призывом поддержать новую власть и об отставке Баязитова и Капкаева, которое на тот момент оставалось неопубликованным. Представлявший военное духовенство Габдуррахман Фахретдинов заявил о необходимости отстранения Г. Капкаева, который в отличие от М.-С. Баязитова находился тогда в Уфе. Было принято решение, что с завтрашнего дня комиссары берут контроль над ОМДС, обеспечивают отставку М.-С. Баязитова и Г. Капкаева и меры по скорейшему избранию новых казыев [46].

9–10 марта прошло совещание по вопросу управления ОМДС из 16 человек в составе 2 казыев, имамов 5 Соборных мечетей Уфы, 3 комиссаров, Закира Кадыри, завуча медресе

«Усмания» Габдуллы Ш(о)наси, Усмана и Ахмед-Султана Терегуловых и Габдуррахмана Фахретдинова. Основным сюжетом стала необходимость довыборов как минимум 1 казыя для обеспечения кворума, так как из 4 членов осталось только 2. Габдуррахман Фахретдинов заявил, что его отец Риза-казый Фахретдин не имеет возможности вернуться на этот пост ОМДС [47]. Тем самым вопрос так и не удалось решить до конца марта, когда казыем был избран имам г. Тургая Тургайской области Худжат ал-Хаким Махмудов, который получил одобрение от Уфимского губернского правления, что решило вопрос о кворуме в ОМДС [48]. В данном случае наиболее важен коллегиальный характер этого заседания, когда в нем участвуют представители трех групп мусульманской элиты г. Уфы: старшего поколения земских, городских и общероссийских деятелей революции 1905–1907 гг.; лояльных новой власти казыев ОМДС и имамов 5 Соборных мечетей Уфы; а также лидеров формирующегося Уфимского комитета распространения идей гражданственности среди мусульман, который был создан параллельно совещанию в ОМДС 9 марта 1917 г. группой мусульманской интеллигенции г. Уфы. Его членами стали: Гумер Терегулов (председатель), Закир Кадыри, Галимджан Ибрагимов (зам. председателя), Гамдэ (Гумда) Хабиров (секретарь), Вагиз Наврузов, Сагит Рамиев, Исмагил Субаев, Идиатулла Еникеев, Хабибулла Ахтямов, Ахмет-Султан Терегулов, Закир Шакиров, Габдулла Ш(о)наси, Исхак Касмасов, Салих Хабиров. За исключением имама открывающейся 6-й Соборной мечети г. Уфы Хабибуллы Ахтямова, мы видим только светскую интеллигенцию в лице двух завучей джадидских медресе (Галимджан Ибрагимов и Габдулла Ш(о)наси), инспектора нерусских школ отдела народного образования Уфимской губернской земской управы Закира Шакирова, сотрудников «Тормыш» (Закир Кадыри и Гумда Хабиров), чиновника по особым поручениям при уфимском губернаторе Ахмет-Султан Терегулова, классика татарской поэзии Сагита Рамиева [49].

17 марта 1917 г. газета «Тормыш» сообщила о совещании при ОМДС под председательством Абусугуда Ахтямова. Как и руководство КМК в Казани, лидеры Уфимского комитета распространения идей гражданственности среди мусульман стремились использовать имамов для пропаганды своих идей. Гомер Терегулов от имени Комитета заявил, что обязанностью

духовенства в текущих условиях является разъяснение текущего положения населению и помощь Временному правительству и распространение соответствующих проповедей [50]. Благотворительное общество также использовалось как площадка для распространения идей Комитета. 16 марта 1917 г. состоялось собрание общества, на котором обсуждалось текущее положение в стране. Г. Терегулов сообщил о поддержке власти Временного правительства, выборах в Учредительное Собрание и начале деятельности Комитета. Гумда Хабилов дал краткий отчет о деятельности Комитета и ознакомил с его Уставом. На заседании общества в пользу Комитета было собрано 830 руб. [51]. Наряду с публикациями материалов о своей деятельности почти в каждом номере газеты «Тормыш» (редактор Закир Кадыри), уже с марта 1917 г. Комитет начал издательскую деятельность путем публикации брошюр, включая Устав Комитета на татарском языке и брошюру «Русиядә зур үзгәреш көннәре» («Дни больших изменений в России») [52].

Комитет сыграл ведущую роль в организации и проведении двух уфимских губернских мусульманских съездов в апреле и июле 1917 г. Первый Уфимский губернский мусульманский съезд, состоялся 14–17 апреля 1917 г. За подготовку программы отвечали лидеры Комитета Гумер Терегулов и Закир Кадыри. Оргкомитет составили Идиатулла Еникеев, Ахмет-Султан Терегулов, Габд(ур)рахман Фахретдинов, Усман Терегулов [33]. Съезд высказался за религиозную автономию мусульман и их распоряжение школами на местах [53, с. 136]. Вместе с тем здесь местные комитеты и бюро продолжали сотрудничество, и еще не была создана вертикальная структура общегубернского уровня, что произошло согласно решениям Второго Уфимского губернского мусульманского съезда, прошедшего 13–15 июля 1917 г. [54, с. 137]. Здесь было создано Уфимское губернское Милли Шуро (Уфа виләят Милли Шурасы) как представительный орган мусульман Уфимской губернии, а с августа 1917 г. региональный орган национально-культурной автономии мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири в июле 1917 – апреле 1918 гг. 16 июля 1917 г. прошло первое заседание Исполкома Уфимского губернского Милли Шуро, где было принято решение прекратить деятельность Уфимского комитета распространения идей гражданственности среди мусульман в начале августа, а его уездных комитетов до 5 августа.

Для превращения уездных комитетов в уездные Милли Шуро должны были пройти уездные мусульманские съезды [55]. Так, например, Второй Белебеевский уездный Мусульманский съезд 5 августа 1917 г. выступил за создание и начало деятельности уездного Милли Шуро в соответствии с инструкцией Уфимского губернского Милли Шуро при ликвидации Мускома в Белебее [56].

Как уже указывалось, Мускомы в качестве своей ключевой функции рассматривали организацию участия в выборах, которые впервые в истории России проходили на основе всеобщего избирательного права, включая женщин. Рассмотрим этот случай на примере выборов гласных в Городские Думы Уфы, Казани и Оренбурга, которые прошли летом – осенью 1917 г. В июне 1917 г. Уфимский комитет распространения идей гражданственности среди мусульман сконцентрировал деятельность на избрании гласных-мусульман в Уфимскую Городскую Думу. 2 июня 1917 г. прошло общее собрание и была сформирована комиссия по подготовке выборов в нее [57]. 16 июня 1917 г. в театре Видинеева прошло общее собрание мусульман г. Уфы по выборам в Городскую Думу. Г. Терегулов выступил в поддержку единого мусульманского блока, но заявил о возможности союза с эсерами. Г. Ибрагимов выступил за единый блок с эсерами и социал-демократами. В результате из 17 избранных гласных-мусульман в Городской Думе 8 представляли социалистов, а 9 – единый мусульманский список, выдвинутый на общем собрании мусульман Уфы [58]. Одновременно Оренбургское мусульманское бюро на выборах в Оренбургскую городскую думу 9 июля 1917 г. провело по единому списку 12 гласных (всего мусульмане получили 20 мест из 100) [16, с. 279]. В октябре на выборах в Казанскую городскую думу список КМК получил 6 мест из 18 среди гласных-мусульман [29], что показало рост влияния левых социалистов в лице Мусульманского Социалистического Комитета после провала Корниловского мятежа в конце августа 1917 г.

Результаты

На основе анализа прежде всего отчетов мусульманских благотворительных обществ в 1906–1916 гг. и данных татарской прессы за 1917–1918 гг. в Уфе и особенно Оренбурге мы проследили высокий уровень преемственности между руководством благотворительных об-

ществ в 1900–1910-е гг. и Мусульманских комитетов и бюро весной – летом 1917 г. И те, и другие рассмотрены как органы, которые были способны эффективно мобилизовать своих членов на решение поставленных задач.

Выводы

Поскольку в Российской империи во II половине 1900–1910-х гг. общероссийская мусульманская либеральная монархическая партия «Иттифак аль-муслимин» не была зарегистрирована, а о регистрации мусульманских социалистических движений не могло быть и речи, то именно благотворительные общества были единственной легальной формой коллегиальной общественной деятельности мусульман в Российской империи, распространенной во многих городских центрах Европейской и Азиатской России.

Пример мусульманских деятелей в благотворительных обществах Казани, Уфы и Оренбурга показывает, что многие из них сыграли ключевую роль в общественной деятельности и создании вначале Мусульманских комитетов и бюро, созданных после Февральской революции 1917 г., а затем и органов национальной автономии (Милли Идарэ и губернские Милли Шуро), которые стали формироваться с августа и особенно с осени 1917 г. Летом – осенью 1917 г. председатели Мускомов Казани (М.-Ф. Туктаров), Уфы (Г. Терегулов), Оренбурга (М.-Ф. Карими) возглавили соответствующие губернские Милли Шуро. Мускомы Уфы и Оренбурга размещались в зданиях благотворительных обществ, использовали их инфраструктуру для своей деятельности, в Уфе прямо занимались сбором финансовой помощи на площадке благотворительного общества.

Состав и руководство мусульманских благотворительных обществ носили преимущественно цензовый характер (буржуазия, духовенство), в Уфе также земские и городские деятели, преимущественно из дворян. Это особенно ясно видно на примере их руководства. Сами лидеры Мускомов Казани (М.-Ф. Туктаров), Уфы (Г. Терегулов), Оренбурга (М.-Ф. Карими) не обладали значительными финансовыми средствами. Это касалось и других членов руководства, где преобладала светская интеллигенция (зачастую преподававшая в медресе). При этом Мускомы наряду с представителями буржуазии и духовенства включали представителей низших слоев населения: военных (преимущественно солдат), рабочих, приказчиков, ремес-

ленников. Мускомы не делили жестко по принципу этнической ориентации политиков. Так, одним из девяти членов Оренбургского мусульманского бюро первого состава был Ахмет Байтурсунов, который уже в годы революции 1905–1907 гг. проявил себя как защитник земель казахов, с 1914 г. был редактором газеты «Казах» (Оренбург), в 1917 г. стал одним из лидеров партии Алаш, а затем и Алаш-Орды. Габдуррахман Фахретдинов к концу 1917 г. проявил себя как один из лидеров башкирских автономистов.

Мускомы действовали в условиях равноправия, что включало голосование в условиях всеобщего избирательного права. Поэтому они стремились получить доступ к широким слоям населения. Казанский Мусульманский Комитет и Оренбургское мусульманское бюро включили в себя представителей различных профессиональных групп. Мускомы Уфы, Казани и Оренбурга активно проявили себя на выборах гласных в городские Думы летом – осенью 1917 г. Однако уже с марта 1917 г. ставился вопрос о выборах во Всероссийское Учредительное Собрание, что делало необходимым установить контакты прежде всего с сельским населением. КМК активно сотрудничал с имамами-джадидами (начиная с А. Апаная), занимался организацией лекций для имамов в Казани, а также отправкой агитаторов по уездам губернии. Уфимский комитет распространения идей гражданственности среди мусульман с самого начала стремился установить контроль над ОМДС для использования агитационного потенциала духовенства, особенно в сельской местности. Г. Терегулов в Уфе и И. Бикчентаев обладали опытом заведующих отделом иностранного образования Уфимской и Оренбургской губернской земской управы соответственно. Осенью 1917 г. Г. Ибрагимов и его соратники из числа татарских левых эсеров активно использовали соответствующие уездные отделы просвещения, что обеспечивало доступ к учителям и сельскому населению в целом. В итоге список с названием «Совет Крестьянских Депутатов – левая фракция Мусульманского Национального Совета, татарские эсеры, Мусульманский Национальный Совет» получил 5 из 8 депутатских мандатов мусульман во Всероссийском Учредительном Собрании (1 место получил список Мусульманского Национального Совета в лице его председателя Гумера Терегулова и 2 места – список башкирских фе-

дералистов в лице Ахмад-Заки Валиди и Гумера Куватова) [9, с. 283–284].

Таким образом, мусульманские благотворительные общества и Мусульманские комитеты и бюро сыграли важную роль в обеспечении создания традиций гражданского общества у российских мусульман. На примере этих организаций в Казани, Уфе и Оренбурге мы видим, что речь шла не только о социальной поддержке для неимущих слоев, но и помощи при получении образования и вертикальной мобильности для наиболее талантливых из них, приобщении к общественно-политической деятельности, включая участие во всеобщих выборах 1917 г. вплоть до выборов во Всероссийское Учредительное Собрание.

Литература

1. Миннуллин З. С. Возникновение и развитие мусульманских благотворительных организаций России (XIX – начало XX вв.) // Ученые Записки Казанского Государственного Университета. Гуманитарные науки 2008. Т. 150, кн. 8. С. 198–202.
2. Салихов Р. Р. Общественно-реформаторская деятельность татарской буржуазии Казани (вторая половина XIX – начало XX в.): дис. ... канд. истор. наук. Казань, 1997. 191 с.
3. Салихов Р. Р. Участие татарского предпринимательства России в общественно-политических процессах второй половины XIX – начала XX в.: реформа институтов локальной мусульманской общины; Акад. наук Респ. Татарстан, Ин-т истории им. Ш. Марджани Акад. наук Респ. Татарстан. Казань: Фэн, 2004. 259 с.
4. Шәрәф Б. Оренбург губернасында мөселманнар иجتимагый һәм иктисади мәсьәләсе // Аң. 1913. № 2. б. 29–31.
5. Денисов Д. Н. Основные направления и формы деятельности мусульманских благотворительных организаций в Оренбургской губернии (1898–1918 гг.) // Форумы российских мусульман. Н. Новгород, 2008. № 3. С. 66–69.
6. Азаматова Г. Б., Азаматов Д. Д. Из истории мусульманской благотворительности в Уфимской губернии // Проблемы Востоковедения. № 3 (45). 2009. С. 43–52.
7. Хабутдинов А. Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX веков. Казань: Идел-Пресс, 2001. 383 с.
8. Хабутдинов А. Ю. Институты российского мусульманского сообщества в Волго-Уральском регионе. М.: Издательский дом Марджани, 2013. 337 с.
9. Миннуллин З. С., Айнутдинова Л. М. Благотворительность // Татарская энциклопедия. Т. 1. А–В. Казань: Институт Татарской энциклопедии, 2008. С. 298–299.
10. Валева М. Г., Латыпова В. Л. Благотворительность // Башкирская энциклопедия. Т. 1. А–Б. Уфа: научное изд-во «Башкирская энциклопедия», 2005. С. 505–506.
11. Мусульманский Комитет // Татарская энциклопедия. Т. 4. М–П. Казань: Институт Татарской энциклопедии, 2002. С. 408–409.
12. Мордвинцев Г. В. Комитет по распространению идей гражданственности среди мусульман // Башкирская энциклопедия. Т. 3. З–К. Уфа: научное изд-во «Башкирская энциклопедия», 2007. С. 462.
13. Мордвинцев Г. В. Весна 1917 года в Башкирии (хроника событий). Уфа: Академия ВЭГУ, 2010. 228 с.
14. Бикбулатов Р. Ф. Уфимский комитет распространения идей гражданственности среди мусульман // Политические партии и движения в Башкортостане: история и современность: материалы науч.-практич. конференции 14 октября 1997 г. Уфа, 1997. С. 42–43.
15. Денисов Д. Н. Оренбургское мусульманское бюро // Ислам на Урале. Энциклопедический словарь. М.-Н. Новгород: ИД «Медина», 2009. С. 278–279.
16. Хабутдинов А. Ю. Казанский Мусульманский Комитет // Ислам в Татарстане: энциклопедический словарь / Коллект. автор.; сост. и отв. редактор. А. Ю. Хабутдинов. М.: ИД «Медина», 2017. С. 117.
17. Хабутдинов А. Ю., Азаматов Д. Д. Уфимский комитет распространения идей гражданственности среди мусульман // Ислам в Башкортостане: энциклопедический словарь / Коллект. автор.; отв. редактор. А. Ю. Хабутдинов, М. Н. Фархшатов. М.: ИД «Медина», 2023. С. 148–149.
18. Доного Х. М. Общество просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области // Ислам на Северном Кавказе. Энциклопедический словарь. М.: ИД «Медина», 2023. С. 292–293.
19. Фархшатов М. Н. Миссия и духовное наследие шейха Зайнуллы Расулева: учебное пособие. Уфа: БГПУ им. М. Акмуллы, 2015. 272 с.
20. Салихов Р. Р., Хабутдинов А. Ю., Хайрутдинов Р. Р. Апанаев Габдулла // Ислам в Татарстане: энциклопедический словарь / Коллект. автор.; сост. и отв. редактор. А. Ю. Хабутдинов. М.: ИД «Медина», 2017. С. 28–29.
21. Денисов Д. Н. Оренбургское общество попечения об учащих мусульманах // Ислам на Урале. Энциклопедический словарь. М.-Н. Новгород: ИД «Медина», 2009. С. 280.
22. Денисов Д. Н. Попечительский совет вакуфа А. Г. Хусайнова // Ислам на Урале. Энциклопедический словарь. М.-Н. Новгород: ИД «Медина», 2009. С. 291.
23. Отчет правления Уфимского попечительства о бедных мусульманах с 1 января 1913 г. по 1 января 1914 г. Уфа: Восточная печать, 1914. 26 с.

24. Отчет Уфимского мусульманского дамского общества за 1914 г. Уфа: Восточная печать, 1916. 11 с.

25. Казан жәмгыяте хэйрия һәм аның тәрбиясендә булган балалар мәктәбе-приют, вәлидәт-ханә, амбулатория һәм дар әл-гажизин хисабы 1915нче елы. Казан: Умид, 1916. 91 с.

26. Кояш. 1917. 14 марта.

27. Йолдыз. 1917. 26 апреля.

28. Курултай. 1917. 3 ноября.

29. Кояш. 1917. 21 марта.

30. Кояш. 1917. 4 апреля.

31. Кояш. 1917. 16 марта.

32. Тормыш. 1917. 23 марта

33. Вакыт. 1917. 10 марта

34. Денисов Д. Н. I съезд мусульман Оренбургской губернии // Ислам на Урале. Энциклопедический словарь. М.-Н. Новгород: ИД «Медина», 2009. С. 14.

35. Тормыш. 1917. 19 марта.

36. Денисов Д. Н., Хабутдинов А. Ю. Хакимовы // Ислам в Башкортостане: энциклопедический словарь / Коллект. автор.; отв. редактор. А. Ю. Хабутдинов, М. Н. Фархшатов. М.: ИД «Медина», 2023. С. 161–162.

37. Хабутдинов А. Ю. Терегулов. // Ислам в Башкортостане: энциклопедический словарь / Коллект. автор.; отв. редактор. А. Ю. Хабутдинов, М. Н. Фархшатов. М.: ИД «Медина», 2023. С. 141–142.

38. Отчет Уфимского мусульманского благотворительного общества за время с 22 ноября 195 г. по 1 января 1916 г. Уфа: Восточная печать, 1916.

39. Тормыш. 1917. 14 марта.

40. Тормыш. 1917. 14 марта.

41. Вакыт. 1917. 12 марта.

42. Тормыш. 1917. 15 апреля.

43. Тормыш. 1917. 8 марта.

44. Усманова Д. М. Ахтямов // Ислам в Башкортостане: энциклопедический словарь / Коллект. автор.; отв. редактор. А. Ю. Хабутдинов, М. Н. Фархшатов. М.: ИД «Медина», 2023. С. 14–15.

45. Денисов Д. Н. Алкин // Ислам в Башкортостане: энциклопедический словарь / Коллект. автор.; отв. редактор. А. Ю. Хабутдинов, М. Н. Фархшатов. М.: ИД «Медина», 2023. С. 11.

46. Тормыш. 1917. 9 марта.

47. Тормыш. 1917. 12 марта.

48. Тормыш. 1917. 25 марта.

49. Тормыш. 1917. 12 марта.

50. Тормыш. 1917. 17 марта.

51. Тормыш. 1917. 19 марта.

52. Тормыш. 1917. 16 марта

53. Хабутдинов А. Ю. Съезд мусульман Уфимский губернский, первый // Ислам в Башкортостане: энциклопедический словарь / Коллект. автор.; отв. редактор. А. Ю. Хабутдинов, М. Н. Фархшатов. М.: ИД «Медина», 2023. С. 136.

54. Хабутдинов А. Ю. Съезд Уфимский губернский мусульманский, Второй // Ислам в Башкортостане: энциклопедический словарь / Коллект. автор.; отв. редактор. А. Ю. Хабутдинов, М. Н. Фархшатов. М.: ИД «Медина», 2023. С. 137.

55. Тормыш. 1917. 20 июля

56. Тормыш. 1917. 17 августа.

57. Тормыш. 1917. 6 июня.

58. Тормыш. 1917. 16 июля.

МӨСЕЛМАН ХЭЙРИЯ ЖӘМГЫЯТЬЛӘРЕ, МӨСЕЛМАН КОМИТЕТЛАРЫ ҺӘМ БЮРО (КАЗАН, УФА ҺӘМ ОРЕНБУРГ ГУБЕРНАЛАРЫ МИСАЛЫНДА)

Дмитрий Витальевич Макаров,

Мәскәү ислам институты,
Россия, 109382, Мәскәү, Киров проезды, 12,
dawletshah@mail.ru.

Айдар Юрьевич Хәбетдинов,

Россия дәүләт хокук университетының Казан филиалы,
Россия, 420088, Казан ш., 2 нче Азинская ур., 7А йорт,
aikhabutdinov@mail.ru.

Мәкалә XX гасыр башында Россия мөселманнарының үзлегеннән оешу һәм ижтимагый хәрәкәт формалары буларак, мөселман хэйрия жәмгыятьләренә, шулай ук Мөселман комитетларына һәм бюрога багышлана. XIX гасыр ахырында инде мөхәлләләренең мәдәни-агарту һәм социаль үзәкләре буларак, беренче мөселман хэйрия жәмгыятьләре барлыкка килә, алар коллегияль идарә итүгә нигезләнә. 1917 елгы Февраль инкыйлабыннан соң формалашкан Мөселман комитетлары һәм бюро, нигездә, Оренбург мөселман диния нәзарәте мөселман төрки-татар округының билгеле бер сәяси юнәлештәге органы түгел, ә ижтимагый-сәяси

оешмалары булып тора. 1917 елның яз һәм жэй айларында, урыны белән көз башында алар губерна шәһәрәндә, аннан соң еш кына бөтен губернада төрле мөселман оешмаларының эшчәнлеген берләштерә һәм губерналарда башта ук милли-мәдәни мохтарият органы булган Милли Шураларның чишмә башы булып тора. Мәкаләдә без әлегә ике структура арасындагы дәвамчанлыкны һәм аларның хезмәттәшлеген анализлыйбыз, шулай ук аларның иҗтимагый эшчәнлегенә дә бәя бирәбез.

Төп төшенчәләр: мөселман хәйрия жәмгыятьләре, Мөселман Комитеты, Мөселман Бюросы, Милли Шура, Милли Идарә